ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 32-й
№ 89 (4214)

Четверг, 28 июля 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Единая и многообразная

СОВРЕМЕННОСТЬ — душа литературы. Не просто тема, не просто приметы сегодняшней действительности, а именно живая душа, которая неустанно зовет на поиск, на открытия, на новаторство, заставляет расставаться с привычным, излюбленным, но уже устарелым, виденным, слышанным и читанным не раз. Истинное новаторство всегда вызвано, рождено к жизни именно необходимостью отобразить новое. Тогда в искусстве каждого народа, каждой нации возникают новые приемы, жанры, интонации, рождаются образы героев с существенно новыми чертами характера. Не заранее заданные «национальные приемы», а правдивое и глубокое изображение жизни рождает подлинно народную литературу.

«Тот, кто не понимает и не видит... органической связи социализма с национальными чаяниями и задачами народов, тот и представления не имеет о подлинном характере и природе национального развития своего народа», — писал недавно в «Правде» грузинский поэт И. Абашидзе. И не случайно в наших братских литературах происходят сейчас знаменательные процессы, писатели стремятся с наибольшей полнотой и национальным своеобразием изобразить жизнь социалистических наций.

Исходя из глубокого понимания современного этапа развития нашего общества, указал на эти закономерности М. А. Суслов на недавней встрече руководителей партии и правительства с деятелями культуры: «Было бы неправильным считать национальной традицией только то, что отличает одну национальную культуру от другой, или только то, что связано с прошлым народа, с его историей, с тем, что отражало тягостную жизнь народа в условиях социального и национального угнетения. Надо более зорко видеть и поддерживать новые традиции, общие черты, которые складываются во взаимоотношениях советских социалистических наций в ходе коммунистического строительства. В развитии национальных культур необходимо всемерно поддерживать и развивать новое коммунистическое, повседневно рождающееся в жизни народов нашей страны».

Это замечание необычайно своевременно, оно ответило на многие споры, возникавшие за последнее время на «декадных» обсуждениях, на различных совещаниях, в статьях и, конечно же, в самой литературе.

Несомненно плодотворным для появления новых произведений, оригинальных по мысли и средствам выражения, явится правильное понимание национального своеобразия, национальной самобытности произведений.

Национальное своеобразие — не то, что отделяет, **отличает** один народ от другого, а то, что **органически соответствует** жизни народа. И важно постигнуть и определить это **органичное**, существенное для народа.

Легко заметить, что многим произведениям украинских прозаиков присущи унаследованный от фольклорных песенных традиций лиризм, очень живое и непосредственное восприятие природы, певучесть. В этом смысле глубоко национальны такие современные писатели-лирики, как М. Стельмах или О. Гончар. Но было бы опрометчивым считать истинно национальной только эту интонацию украинской прозы. Ведь и прежде рядом с романтическим лиризмом Леси Украинки расцветали трезвый реализм Коцюбинского, эпический размах Ивана Франко. И сейчас украинскую прозу украшают такие реалисты, как Ю. Смолич, А. Головко, П. Панч и другие. При всем различии их интонаций сила этих украинских писателей заключается прежде всего в правдивом изображении жизни родного народа.

Многообразие стилей — свидетельство зрелости и богатства литератур. Блок, Маяковский, Твардовский — как различны они по стилю и как в то же время, каждый по-своему, национальны.

Подобные примеры можно встретить в любой литературе. Латышская проза издавна тяготела к спокойному, неторопливому описанию, когда события почти не разворачиваются, зато характеры, пейзаж, обстановка действия вылеплены до мельчайших деталей. Творчество Андрея Упита — едва ли не самый наглядный пример такого «монументального реализма». А совсем недавно вышла повесть молодого прозаика М. Бирзе «И подо льдом река течет...» — взволнованная, романтическая повесть о подвигах, о славе, о любви. Автор стремится к изображению широкой картины латышского подполья в годы фашистской оккупации, — он берет отдельные судьбы, всего несколько дней, очень ограниченный участок действия. И все рассказанное им, будто освещенное узким лучом прожектора, необычайно ярко показывает подвиг латышской молодежи в годы Великой Отечественной войны.

Появление в латышской прозе этого романтического произведения — ответ на запросы жизни, требующей пафоса, героики, романтики. Литература осваивает все новые пласты, новые явления жизни, по-новому оценивает их.

Конечно, заведомо безнадежными и бесплодными были бы попытки отбросить литературные традиции, литературный опыт. Об этом свидетельствует не только судьба пролеткультов, лефов и иного звания нигилистов, но и видимая ныне всему миру бесплодность новомодных космополитических течений современной реакционной литературы Запада.

Неравномерность общественного и литературного развития разных национальностей Советского Союза, естественно, обусловила разные исторические судьбы литератур. Поэтому необходимо и по-разному подходить к произведениям разных народов, бережно оценивать успехи молодых литератур.

Но читатель вправе требовать, чтобы писатели — любой нации! — чувствовали биение пульса современности, видели и художественно воплощали в своих книгах главные тенденции жизни.

В этой связи с особой остротой встает для наших братских литератур проблема дальнейшего совершенствования реалистического метода, обогащения национальных форм, традиций новым, социалистическим содержанием.

Вести народ вперед, создавать новые традиции, а не подчиняться извечно существующему, искони данному — вот задача настоящего мастера. В. Лебедев-Кумач сказал однажды очень остроумно и точно: «Большой художник не только учится у народа, но и учит народ высокому вкусу. Он всегда прислушивается к народу, но не прислуживается к нему».

Советская власть дала возможность всем народам развить традиционную национальную культуру. Кто знал до революции чудесный дар Сулеймана Стальского, могучий голос Джамбула? Была ли когда-нибудь развернута в таких масштабах работа по собиранию и записи национальных эпосов — «Алпамыша», «Манаса» и других? Но беречь наследство — это ведь значит не только сохранять, но и развивать его. «Движение нашего общества к коммунизму, — подчеркнул М. А. Суслов, — позволяет наиболее полно раскрываться всему подлинно народному, прогрессивному, что есть в культуре и искусстве каждой социалистической нации».

Совершенно неотложным делом является сейчас подготовка единой истории советской литературы. За послевоенные годы созданы очерки истории почти всех национальных литератур — русской, украинской, белорусской, латышской, литовской и т. д. Между тем создание общей истории поможет на деле увидеть внутреннее единство братских литератур, их взаимосвязи, взаимообогащение, которые сложились за четыре десятилетия. При всем своеобразии каждой из них все вместе они и создают нашу единую советскую литературу.

Почти во всех советских литературах появились произведения о коллективизации — «Поднятая целина» М. Шолохова, «Гвади Бигва» Л. Качели, «В гору» А. Сакее и другие. И это понятно — слишком большим рубежом в жизни каждого народа была коллективизация!

А вот и еще пример. За последние годы на русский язык переведено несколько произведений, посвященных проблеме раскрепощения женщины. Среди них в первую очередь нужно назвать роман узбекского писателя Аскада Мухтара «Сестры», повесть киргизского прозаика Ч. Айтматова «Джамиля», роман азербайджанца Мирзы Ибрагимова «Слияние вод». Эти книги различны и по времени действия, и по жанру, и по художественной манере, но, впрочем, в этом нет ничего удивительного—ведь даже в пределах одной национальной литературы творчество настоящих художников всегда своеобразно.

Советские люди созидают новый мир, еще незнакомый человеческому обществу, идут неизведанными путями, совершают удивительные открытия. Рассказать об этой необычайной эпохе — высокая и благородная задача писателей. Опыт литературы убеждает в том, что в сердце читателя находят самый горячий отклик те произведения, которые передают дыхание жизни, выражают идеи и образы современности. Поэтому так остро связана сегодня проблема национальных традиций с проблемой современности.

ХАРЬКОВСКИЕ ДЕВЧАТА

Валей, Валентиной зовут эту девушку... Работает Валя Егоренко сборщицей подшипников на 1-м Харьковском шарикоподшипниковом заводе. Казалось бы, профессия ничем не примечательная. Но, как известно, без подшипников далеко не уедешь... А если добавить еще, что Валентина возглавляет бригаду коммунистического труда на заводе и эта бригада обязалась работать без контролера и выпускать продукцию только отличного качества, то невольно вспомнишь известные некрасовские строки:

...Во всякой одежде красива,
Ко всякой работе ловка...

Тысячу раз прав товарищ Хрущев

Р. ПАЛМ ДАТТ,
вице-председатель Коммунистической партии Великобритании

ИСТОРИЯ не знает прецедентов мирного сосуществования различных социальных систем со столь противоположными принципами, как капитализм и социализм. Но это не должно нас обескураживать. Большинство событий, которые сейчас происходят в мире, также не имеют прецедента в истории.

Правда, мир издавна знал случаи одновременного существования самых различных социальных систем и различных этапов развития человеческого общества. Такое одновременное существование различных социальных систем не обязательно приводило к конфликтам, когда контакт между ними был сравнительно невелик.

Например, никогда не вставал вопрос о мирном сосуществовании «первобытного коммунизма» в Полинезии, с одной стороны, и Римской империи,— с другой, поскольку между ними не было никакого контакта. Такое одновременное существование разных систем, на основе более или менее полного отсутствия контакта между ними или чрезвычайно ограниченного контакта, не имеет ничего общего с концепцией мирного сосуществования абсолютно различных социальных систем, оказавшихся в силу современных условий в непосредственной близости и непрерывно находящихся в контакте друг с другом.

До сих пор установление нового общественного порядка всегда вызывало бурное проявление вражды со стороны представителей старого социального порядка в соседних странах, а в новое время — даже в весьма отдаленных странах, что обычно приводило к вооруженной агрессии. В XVII веке, когда английская буржуазная революция развеяла вымысел о божественном происхождении монархии, когда в Англии был казнен король и установлена республика, все венценосцы Европы единодушно осудили англичан. Правительство русского царя отозвало своего посла из Лондона, чтобы выразить возмущение революционному народу, обезглавившему своего монарха, и воспрепятствовать дальнейшему контакту, который мог бы привести к «развращению умов» подрывными принципами английской революции.

Враждебные отношения между государствами с различными социальными системами имели также и проявления иного характера. Так, победоносная буржуазия Западной Европы, столкнувшись с более древними цивилизациями, отнюдь не пожелала предоставить их своей судьбе: огнем и мечом она подчинила империю великих моголов в Индии, государство инков в Перу и ацтеков в Мексике, а также феодальные империи Африки. Эта неистовая агрессия даже превратилась в войну на уничтожение, которая велась против североамериканских индейцев, коренных жителей Австралии и новозеландских маори.

Когда победа социалистической революции в России открыла новый этап в истории человечества, все ведущие государства капиталистического мира сообща напали на молодую страну социализма, чтобы уничтожить ее силой оружия. Интервенция окончилась всеобщим и полнейшим поражением капиталистических держав. Тогда был создан и пущен в ход чудовищный механизм агрессии в лице германского фашизма. Даже после разгрома и уничтожения военной мощи фашизма вдохновители «холодной войны», атомной стратегии, Атлантического пакта и вооружения Западной Германии вновь пытаются добиться своих прежних целей.

Но сейчас сложилось новое положение. В наши дни идея мирного сосуществования стала главным вопросом практической политики, и это признается всеми. Как же произошла эта метаморфоза?

Во-первых, социалистическая революция в корне отличается от всех предыдущих революций. Дело в том, что все предыдущие революции представляли собой переход от одной формы классового общества и классового гнета к другой.

Новый правящий класс, упрочив власть над народными массами своей страны и подвергнув их эксплуатации, обычно стремился распространить свою власть и обрести новые объекты для эксплуатации путем вооруженной агрессии за рубежом. Напротив, социализм — первая в истории общественная формация, основанная на принципах мира, совершенно не заинтересованная в агрессии или завоевании чужих земель; для воплощения ее созидательных целей требуются мирные условия.

Во-вторых, обеспечение мира зависит не только от одной стороны; оно требует сотрудничества обеих сторон. Сейчас социалистическое общество достигло такого явного превосходства во всех областях, что сколько-нибудь серьезные и обладающие чувством ответственности государственные деятели

(Окончание на 4-й стр.)

СЛУЖИМ НАРОДУ, СЛУЖИМ ПАРТИИ!

Разговор о будущем

В этот день как было не вспомнить великого Ленина! В первые годы революции — в годы преодоления огромных трудностей — Владимир Ильич, занятый напряженнейшей работой, находил время постоянно заниматься вопросами науки и искусства, заботиться о материальном положении, условиях труда и быта писателей, ученых и других деятелей культуры.

...Подмосковье. Ясное солнечное воскресенье. Участники встречи с большим вниманием слушают речь М. А. Суслова. Просто и сильно говорит он о важнейших задачах литературы и искусства.

Да, тема современности — вот наша главная магистраль. Сейчас, когда коммунистическое будущее формируется буквально на наших глазах, полноценное творческое освоение этой темы имеет решающее значение.

Мы, писатели и работники искусства, обязаны неустанно бороться за высокую идейность и художественное мастерство. А литературная критика призвана быть особенно заботливой и чуткой, когда речь идет о произведениях, в которых освещаются жизненно важные проблемы современности.

...Продолжается волнующая беседа, незаметно проходят часы, с глубоким пониманием говорят руководители партии и правительства о нашей науке, литературе, об искусстве. Выступают ученые, писатели, работники искусства, и в конце мы слушаем яркое, содержательное выступление Н. С. Хрущева. В памяти участников встречи надолго останутся слова Никиты Сергеевича о том, что наши дела хороши, что интеллигенция должна еще теснее сплотиться вокруг партии, с еще большим воодушевлением служить делу коммунизма.

На этой встрече присутствовали люди разных профессий и национальностей. Но по праву близких, родных друг другу людей, по праву хозяев своей страны, размышляли они о достижениях и будущих делах науки, техники, литературы, искусства. В душе каждого из нас было чувство безмерной гордости за родную партию и правительство, желание с новой силой, преданно служить нашему великому народу.

Эдуард ТОПЧЯН

Наша ответственность

Вся обстановка этой недавней встречи была проникнута глубокой человечностью и сердечной простотой. Мы еще и еще раз почувствовали огромную заботу партии и правительства о нас, о наших успехах, о том, чтобы славный советский народ, строитель коммунизма, стал обладателем новых выдающихся достижений в области науки, новых ярких художественных произведений. Мы призваны создавать эти произведения, и мы понимаем всю серьезность нашей ответственности перед народом и партией.

Встреча в Подмосковье останется в памяти каждого ее участника. Простые и мудрые слова Никиты Сергеевича, высказывания руководителей партии и правительства, обращенные к участникам встречи, взволновали каждого из нас, ибо речь шла о самом главном, самом сокровенном. Яснее стала цель, к которой мы стремимся, возникло еще большее желание творить на благо народа.

Сердечное спасибо партии и правительству за отеческую заботу и мудрое руководство!

Кондрат КРАПИВА

МИНСК

Простота, человечность

Встреча представителей многонациональной советской интеллигенции с руководителями партии и правительства на всю жизнь останется в памяти каждого из нас. Это был незабываемый день. Всюду слышались русские, украинские, азербайджанские песни. Шла дружная, сердечная беседа на всех языках наших братских народов.

Мне казалось, что сама окрестная природа дышит какой-то исключительной простотой, человечностью, величием. Эта атмосфера роднила, сближала людей, усиливала сердечную, братскую дружбу между ними.

Но венцом и самым памятным событием этого прекрасного дня была задушевная, как всегда, трогающая своей человечностью речь Никиты Сергеевича. Он нарисовал величественную картину роста Советской страны, ее преуспевания в коммунистическом строительстве. Нас особо вдохновили добрые слова товарища Хрущева о благородном, почетном труде советской интеллигенции, в частности писателей.

Мы покидали гостеприимную дачу с мыслью — писать, неустанно создавать новые хорошие произведения о красоте и величии советского человека.

Мирза ИБРАГИМОВ

ВАКУ

Во всем едины...

Дружелюбие и внимательный интерес к нам и к нашей работе, которыми был проникнут памятный день 17 июля, — это естественный и само собой разумеющийся характер отношений между народным правительством и народной интеллигенцией в таком государстве, как наше. За этим характером отношений стоит понимание сложной природы творческого труда, живое и острое ощущение того, что в нем является главным.

Бережное отношение к таланту, уважение и внимание ко всякому серьезному намерению говорить о самом трудном и главном в жизни, о том, что еще не опосредствовано предшественниками,— о современности, о новом, еще не отстоявшемся и не остывшем, о том, что еще всячески сопротивляется, не вливается в привычные рамки, клокочет и кипит и нередко обжигает руки отважного художника, — это ли не самое первое и главное условие для настоящей работы? Если все, кто в большой мере решает судьбу нашей работы,— наши критики, редакторы, издатели в своем отношении к ней будут исходить из этого условия, помнить о нем, мы сможем замечательно работать. Вот именно об этом говорил товарищ Суслов.

У нашей страны огромные литература и искусство, нас много, и мы разные, разные характеры, разные творческие индивидуальности, горячо и активно относящиеся к важнейшим явлениям жизни, и прежде всего ко всему новому в ней. А ведь наличие этих разных творческих характеров и индивидуальностей, устремленных к одной цели, решающих в разных художественных манерах и разными почерками одни и те же большие задачи и во всем единых с народом, с его партией и правительством, — ведь это и есть неиссякаемая сила и неразменное богатство нашей литературы, нашего искусства. Это глубоко понимают, ценят и берегут руководители страны. 17 июля они снова дали нам почувствовать это, и это ощущение будет светить нам, как добрая рабочая лампа на рабочем столе.

Маргарита АЛИГЕР

Рассказывают участники незабываемой встречи

Более тысячи ученых, деятелей искусства Ташкента и других городов Узбекистана собрались в зале заседаний Верховного Совета республики, чтоб послушать рассказы тех, кому выпала честь быть в памятный день 17 июля на подмосковной даче, участвовать в незабываемых дружеских беседах с руководителями Коммунистической партии и Советского правительства. Собрание открыл писатель Ш. Рашидов. С глубоким волнением он говорил о том, в какой искренней, дружеской и непринужденной обстановке проходили беседы Н. С. Хрущева и других руководителей партии и правительства с деятелями советской науки и искусства. Мысли и пожелания, высказанные в этот день и проникнутые глубокой заботой о будущем нашей культуры, большим уважением и доверием ко всей творческой интеллигенции, стали программой действий советских ученых, деятелей литературы и искусства.

— 17 июля стало праздником для нашей многонациональной литературы, — сказал К. Яшен.—Нужно было послушать, с какой откровенностью и взволнованностью говорил с нами в этот день Н. С. Хрущев о наших писательских делах, о делах наших ученых, художников, композиторов, артистов, о настоящем и будущем нашей культуры. В этот день мы вновь ощутили, как высоко ценят и уважают труд творческой интеллигенции родная партия и советский народ.

Своими впечатлениями о встрече поделились с собравшимися академик Академии наук Узбекской ССР С. Стародубцев, художник Н. Икрамов, композитор С. Бабаев, директор Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР С. Азимджанова и другие.

ТАШКЕНТ. (Соб. корр.). По телефону.

НА ДАЛЬНЕЙ ЦЕЛИНЕ

Ваша дальневосточная земля обширная, плодородная, все у вас есть — нужно только разумно подойти к делу и приложить руки.

(Н. С. ХРУЩЕВ)

ПОД ВЕЧЕР поезд Владивосток—Благовещенск задержался на маленькой станции Низина; я вышел из вагона поразмяться и, едва ступил на землю, замер зачарованный. Со всех четырех сторон открывался необъятный, необозримый синий простор. Именно синий, потому что все: и вспаханная, лишь кое-где укрытая травами земля, и высокое небо над нею, и дальняя, смутно, словно во сне, угадываемая цепочка гор, и самый воздух, зримо струившийся от земли ввысь, — решительно все было синим и каким-то нереально прекрасным.

— Хорошо-то как! — не удержался я.

— Хорошо-то хорошо, — согласился мой сосед по купе, средних лет человек, агроном, возвращавшийся в свой Благовещенск. — Да ведь для кого хорошо: для тех, кто стихи пишет или там романы... А для нас — это целина, трудная земля; поле битвы, если хотите.

В голосе его мне почудилась легкая усмешка.

Помедлив, он сказал:

— Вот поездите, поогляднтесь, и сами придете к убеждению, что иной раз в золоченых вагонах картошку или пшеницу было бы проще возить на Дальний Восток, чем выращивать на здешних землях.

...Сейчас, когда за плечами у меня не одна тысяча километров поездок по целинным районам краев и областей Дальнего Востока, и не одна сотня новых знакомств, и не один десяток откровенных бесед с людьми, имеющими к целинным делам самое различное отношение, — сейчас я спрашиваю у себя: «Ну так как же: прав был этот мой случайный попутчик или не прав?..»

КАК БЫ ни изображали дело некоторые историки, но не пушной зверь, не рыба, не золото, а именно земля — будущая пашня! — влекла простого русского человека на Дальний Восток, в края «встреч солнца», все эти три с половиной столетия. Ради нее, дальневосточной пашни, о которой в народе слагались легенды, он становился и мореходцем, и землепроходцем; все остальные познания края пришли потом, после. А поначалу было одно — желание вволю вспахать никому не принадлежавшую «богатую землицу».

Мог ли народ в течение трех с половиной веков ошибаться в этих своих устремлениях, заблуждаться, стремиться к тому, чего на самом деле нет на Дальнем Востоке? Нет!

Как-то сами собою всплывают из глубин памяти строчки талантливого дальневосточного поэта Петра Комарова:

Землеходцы пришли босые,
Топором прорубая путь.
Не забудь их, моя Россия,
Добрым именем помянуть!

Однако все ли освоено здесь, в этом сказочно богатом землею крае? Нет, далеко нет. В Хабаровском крае, как утверждают специалисты, даже если существующий ныне пахотный клин и пастбища расширить на полмиллиона гектаров (а именно к этому сейчас стремятся труженики сельского хозяйства — хабаровчане), в резерве останется еще, например, более десяти миллионов гектаров торфяников. После мелиорации и окультуривания они вполне могут стать постоянным источником расширения посевных площадей.

В Амурской области, которую по праву называют «житницей Дальнего Востока», сейчас в обороте находится около полутора миллионов гектаров, но это — лишь треть земель сельскохозяйственного назначения, которыми располагает область. Кроме того, там имеется без малого пять миллионов гектаров вырубок, гарей, кустарников и так далее.

Это то, что лежит рядом: приходи, бери, осваивай! Но ведь время научило нас заглядывать далеко вперед. И трудно сказать, чего больше: фантазии или реальных уже оснований в наших мечтах о времени, когда начнется наступление на тундру, на вечную мерзлоту. Во всяком случае, с кем из специалистов сельскохозяйственной науки ни приходилось мне беседовать в этой поездке, ни один из них не отважился сказать: границы земледелия на Дальнем Востоке уже определены. Нет, напротив: они, эти границы, зримо отодвигаются все дальше на север, и например, сельскохозяйственная карта Амурской области тридцатых годов мало в этом смысле схожа с картой нынешнею.

— Мы целину до последних лет разве осваивали? — Степан Кондратьевич Бондарчук, начальник Приморского крайсельхозуправления, человек в сельском хозяйстве не новый и знающий его специфику до тонкостей, смотрит на меня с этакой веселой хитрецою: — Мы ее... клевали! Клюнешь здесь — бросишь. Клюнешь там — отойдешь... Как птицы небесные.

Это зло сказано, но в этом сравнении есть все-таки правда. Горькая, но правда. Потому что сельскохозяйственная статистика — а я с нею знакомился везде, где побывал, — показывает: лишь в последние три-четыре года освоение целинных земель на Дальнем Востоке приняло более или менее планомерный характер.

Бондарчук продолжает, время от времени заглядывая в блокнот:

— Что у нас стало сейчас самым примечательным? То, что мы от голой фразы о необходимости покорения целины перешли к трезвому расчету. Мы научились считать, говоря о целине. Вот пример.

Для того чтобы выполнить в Приморье программу, которую край себе наметил, — освоить за семилетку полмиллиона гектаров земли, — нужно прежде всего осушение земель на площади в 290 тысяч гектаров. Нужно построить оросительные системы на общей площади в 3 тысячи гектаров, соорудить дамбы объемом почти в 7 миллионов кубометров, вырубить и раскорчевать без малого полтораста тысяч гектаров кустарника и мелколесья...

Выгодно ли это? Может, прав был мой попутчик: в золоченых вагонах — и то дешевле обойдется...

Но вот тут-то и вступает в силу то

(Окончание на 2-й стр.)

ХАРЬКОВСКИЕ ДЕВЧАТА

Вы угадали — это молодые строители, которых наш фотокорреспондент заснял через отсек лифта. И не только строители, но и будущие хозяева... Сейчас в Харькове возводится новое здание Государственного университета, которое по величине уступит только МГУ. Чтобы быстрее завершить строительство Дворца науки, студенты разных вузов города приходят сюда работать. Скоро каждый из молодых строителей сможет с гордостью сказать: и я строил наш университет!

Создать «зеленый островок»!

На одной из самых людных площадей Москвы, носящей имя В. Маяковского, сооружен тоннель для городского транспорта. Теперь бы самое время разбить сквер около памятника певцу «весны человечества». Нужно создать здесь такой же «зеленый островок», как у московских памятников Пушкину и Горькому. Зелень оживила бы и украсила всю площадь. И сам памятник только выиграл бы от этого.

Думается, незачем откладывать такой важный вопрос в долгий ящик. Реконструируя столицу, мы не должны забывать о зеленом друге.

А. ШИГАЕВ

СКОЛЬКО ЧЕЛОВЕКУ ЗЕМЛИ НУЖНО?

Многие живущие в городе люди испытывают тоску по земле. Я видел, как в тесных двориках, обставленных густо населенными домами, жильцы выкраивали крохотные участочки и с наслаждением копались на них, выращивая каждый по своему вкусу — кто розовый куст, а кто огурцы.

Хорошо, когда на склоне лет человек имеет возможность покопаться в саду, угостить друга выращенными собственноручно огурчиками.

Сколько для этого человеку земли нужно?

Приморско-Ахтарск — зеленый городок на берегу Азовского моря — раскинулся широко и вольготно. Здесь живет много пенсионеров, имеющих свои домики и при них земельные участки. У Николая Александровича Калинина участок занимает семьдесят пять сотых гектара.

Много это или мало?

Для коллективного хозяйства, наверное, мало, а для одной семьи — многовато.

Николай Александрович Калинин не исключение. Землю в Приморско-Ахтарске давали щедро, и у многих пенсионеров были крупные участки. Но большинство из них, «посидев на земле» несколько лет, убедилось, что 75 сотых гектара — норма противоестественная. Большинство пенсионеров попросило горсовет избавить их от лишних «соток», что и было сделано.

Николай Александрович Калинин взрастил на своем громадном приусадебном участке фруктовый сад и развел виноградник, насчитывающий много сотен кустов. Если бы весь приморский городок ходил в друзьях у Николая Александровича, и тогда плодов из его сада хватило бы на их угощение. Но друзей у него немного, а урожаем он распоряжался так, что нажил крупные неприятности и получил строгое партийное взыскание.

Тогда Николай Александрович подал в горсовет заявление с просьбой избавить его от излишков земли. Но каждому, кто хотел взять участок из его угодий, он предъявлял счет: за плодовые деревья, за виноградные кусты. Счет выражался в круглой сумме, и желающих брать такие дорогие участки не находилось.

Так ловким маневром отбил Николай Александрович первую атаку на свое землевладение.

Но жизнь шла вперед. Городок бурно рос. У Николая Александровича появились новые соседи. Еще не так давно его участок был окраинный, а теперь за ним выросли новые кварталы — целый поселок. Улица из города уперлась в участок Николая Александровича, как река в скалу.

Отношения с соседями складывались неблагоприятно: То курица забредет на виноградник, то собака забежит в сад, то ребятишки перейдут межу. Николай Александрович привел в боевую готовность дробовик и с оружием в руках оборонял весьма протяженные границы своего участка. Бестрепетной рукой бил он соседских кур, стрелял собак, предъявлял грозные ультиматумы ребятишкам.

В новые кварталы нужно было провести водопровод. Николай Александрович долго не разрешал копать траншею для труб через свою территорию. Наконец, сломили его упрямство — разрешил.

Не успели зарыть траншею — новое дело. Требуют люди, чтобы продолжили до новых кварталов улицу из города, а то приходится делать немалый крюк. Особенно большие неудобства испытывают дети, идущие в школу, и хозяйки, кружным путем шествующие в магазин. Горсовет просит у Калинина разрешения — ну, если не улицу, хотя бы переулок прорубить через его участок.

Николай Александрович не разрешает. Он ожесточился в сражениях с соседями, затаил обиду на тех, кто мешал развернуть широкие коммерческие операции с виноградником, и ратоборствует, не щадя живота своего.

С горсоветом биться нелегко, и Николай Александрович маневрирует. «Рубите, — говорит, — переулок, — соглашаюсь. Но за деревья, что пойдут на снос, за кусты винограда — заплатите».

А у горсовета бюджет невелик, каждый рубль на счету, и теряются работники коммунхоза, тем более что деньги им отпускают на озеленение города.

Жители новых кварталов выписывают длинные петли, обходя участок Калинина, ругаются, шлют жалобы. Закаленный в подобных баталиях, Николай Александрович стоит, как утес. Он тоже пишет жалобы — прокурору. Взывает к закону, справедливости, не смущаясь тем, что большинство застройщиков имеет приусадебные участки всего в несколько «соток».

— Чужого мне не надо, — заявляет Николай Александрович, — но и своего не уступлю.

И не уступает, опираясь на закон.

Закон — дело серьезное. Нельзя по каждому поводу требовать пересмотра кодексов, но есть случаи, которые заставляют задуматься над тем, что закон охраняет.

Двум старикам не обработать громадного виноградника. Нанимать рабочих нельзя. Калинин на зиму перестал укрывать виноградные лозы. На счастье или на несчастье его, крепких морозов не было, виноград не погиб. Но Николай Александрович обрек его на гибель. «Пусть пропадет, а ни одного куста им не уступлю!»

Кому им?

Городской Советской власти, которая дала ему эти семьдесят пять «соток» земли? Людям, рядом с которыми он живет?

Еще раз хочу сказать: хорошо, когда на старости лет человек может покопаться в саду, взрастить дерево, которое даст плоды и спасительную прохладу в жаркий день его внукам. Но плохо, когда клок земли ложится тяжким грузом на душу, уродуя человека, пробуждая в нем инстинкты стяжателя и собственника.

Семьдесят пять «соток» земли приносили Николаю Александровичу порядочные доходы. Однако счастья, доброй человеческой радости они ему не принесли. Есть у него дети, но они выросли и ушли своими дорогами. Пытался отец удержать их. Дети ответили:

— Нам, папаша, свою пенсию зарабатывать надо. Твой виноградник для этого место неподходящее.

С соседями Николай Александрович не дружит. В каждом видит нарушителя границ, живет среди них на осадном положении. Такой же, как и он, пенсионер Петр Федорович Шульгин когда речь зашла о злосчастном переулке, сказал с досадой:

— Вознаграждение нужно ему! Люди спасибо скажут — вот оно и вознаграждение.

Николай Александрович думает иначе. Он полагает, что из «спасибо» шубу не сошьешь, и признает только материальные ценности.

Все, кто знает Николая Калинина, говорят, что он тяжелый человек. Характер, конечно, так или иначе окрашивает поступки. Но характер формируется и определяется в конце концов условиями быта. И не все делится от характера. Есть же у человека и мировоззрение. Должно же быть!

Вернемся к тому, с чего начинали разговор: сколько же земли человеку нужно, чтобы жить честно и достойно нашего советского времени?

Максим Алексеевич Симко, секретарь партийной организации, в которой состоит Н. А. Калинин, высказался в том смысле, что земельные участки надо пересмотреть.

— Мы этот вопрос поднимали, — сказал он, — семьдесят пять сотых гектара — это же чрезмерно. Никому столько не нужно. Пенсии пересмотрели, и участки надо пересмотреть.

И в самом деле. Бездумная, механическая уравниловка не нужна нигде. Но и вопиющая исключительность нам ни к чему, она противопоказана советскому обществу. Обнесенные километровыми заборами персональные терема не вызывают добрых чувств и не служат делу коммунистического воспитания. Промышленные виноградники на индивидуальных участках выглядят противоестественно. Все это во вред духовному здоровью человека и в конечном счете унижает его.

Невеселое житие Николая Александровича Калинина тому иллюстрация. Живи он для людей, была бы у него красивая старость, а сейчас он жалок — сухонький человек с дробовиком, стерегущий свои семьдесят пять «соток».

Неприглядная это картина. Печальная и предостерегающая.

Вл. МОНАСТЫРЕВ

ПРИМОРСКО-АХТАРСК—КРАСНОДАР

НА ДАЛЬНЕЙ ЦЕЛИНЕ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

самое умение считать, которому научились дальневосточные целинники за последние годы. В Приморье, например, в результате освоения полумиллиона гектаров целины и залежей в 1,8 раза увеличится производство зерна и почти вдвое — сои, этой ценнейшей технической культуры; в 1,5 раза — сбор картофеля; в 1,8 раза — производство овощей. Таким образом, ни в картофеле, ни в овощах приморцы нуждаться уже не будут. Затраты на приморскую целину окупятся урожаем уже в первые два-три года!

Но что же все-таки нужно, чтобы эти расчеты оправдались и мечты сбылись?

КОГДА в кабинете начальника крайсельхозуправления наш разговор подходил к концу, Бондарчук посоветовал мне:

— Вы не верьте, «легкой» целины вообще не бывает. Но для того чтобы убедиться, что такое наша, дальневосточная целина, поезжайте и посмотрите сами. Съездите, например, к Усольцеву. Да-да, на Ружинскую лугомелиоративную станцию. Усольцев — человек, мыслящий широко, он много интересного и расскажет вам, и покажет...

И вот я у него — человека на редкость обаятельного, простого и откровенного. Константин Иванович Усольцев, директор Ружинской ЛМС, целый день водил меня по большому, сложному, разбросанному хозяйству станции, показал мастерские, лугомелиоративную технику. Она идет на Дальний Восток все более широким потоком. Одно только плохо: шлют ее без учета особенностей дальневосточной целины. Машины для корчевки, для канавокопания, для осушения болот построены главным образом в Белоруссии, с учетом специфики именно белорусских болот и почв. Конструкторы не знали, например, что для того, чтобы расчистить один гектар приморского редколесья, нужно выкорчевать до 400—450 деревьев, и что хотя эти деревца невысоки ростом, корневая система у них разветвлена на многие, многие метры...

И вот опять на станции кое-что переделывают сами: тут приклепают, там отклепают; кое-что (и этого «кое-чего» изрядное количество!) лежит мертвым капиталом; кое-что местные рационализаторы соорудили по собственным проектам и чертежам.

— И еще одна печаль у нас, может быть, главная наша печаль... — говорит директор станции.

Оказывается, что еще и сегодня осушение земель в Приморье (а как позднее я убедился, не только в Приморье) осуществляется на клочках, на микроучастках, вместо того чтобы выбирать действительно перспективные массивы, сосредоточивать на них мощь техники и таким образом отвоевывать эти массивы у болот и паводков с наименьшими затратами сил и с наибольшим эффектом.

А получается это потому, что изучение земель, намечаемых к освоению, происходит на Дальнем Востоке не всегда продуманно.

ИЗУЧЕНИЕ... Изучают ли? Я побывал в Дальневосточном научно-исследовательском институте сельского хозяйства Министерства сельского хозяйства РСФСР. Известный мелиоратор Серафим Петрович Кузнецов, научный сотрудник Федор Иванович Платонов и другие оторвались от дел, поделились заботами. Для начала, скороговоркой, как-то даже стыдливо, упомянули о своей беде: возможности института уж слишком ограничены. Отдел механизации представлен в институте тремя работниками, мелиорации — тоже тремя, а почвовед — так тот один на всю зону Дальнего Востока, а это — добрая треть Советского Союза.

У института нет ни транспорта для поездок по районам, ни большого опытного хозяйства (в частности по семеноводству), нет базы для постановки опытов по животноводству.

— Но это, — говорит Кузнецов, — в конце концов так, замечание походя. А теперь слушайте.

С чего начинается всякое освоение новых земель? С их предварительного изучения, не правда ли?

А вот отсюда-то и берут начало, по мнению моих собеседников, просчеты в организации дела. На Дальний Восток время от времени приезжают экспедиции, которые работают подолгу, поглощают огромные средства, а преследуют все-таки главным образом академические цели, далекие от практики, — если это экспедиции Академии наук; или быстрейшее выполнение плана в рублях и часах — если это экспедиции Росгипроводхоза.

Вот работала тут целых два года экспедиция Ленгипроводхоза. Почему именно Ленгипроводхоза? Непонятно. Но так или иначе, а все это время экспедиция изучала поймы Амура и тратила на это время, силы, деньги, и занималась всем этим вполне серьезно и искренне, хотя, как убеждены мои собеседники, именно эти земли в Хабаровском крае безнадежны: они затопляемы.

В 1955 году одна из экспедиций изыскивала целину в Хабаровском крае. Ничего не скажешь: дело было поставлено капитально и завершилось изданием солидного трехтомника. Но самого главного в этих фолиантах не оказалось: расшифровки того, как, в порядке какой очередности осваивать эти — разные по своему качеству! — земли.

Побывала в Хабаровске и экспедиция Абаканского филиала Росгипроводхоза, стоила она более 200 тысяч рублей, а местные решения тех же самых проблем оказались ближе к жизни.

СЕЙЧАС землями, то есть выявлением и оценкой целины, занимаются отделы землеустройства, и это очень верно: никто так не знает свой край, как человек, собственными ногами исходивший каждую тропинку. Но этим отделам нужна настоящая, серьезная, подлинно научная помощь. А что может сделать, к примеру, институт, когда его штаты выглядят следующим образом...

И я вновь услышал все те же грустные цифры.

Но это, разумеется, не означает, что работники института сидят да ждут, когда им кто-нибудь посочувствует. И все же сделано пока очень мало. Сельскохозяйственная наука что-то уж очень замешкалась.

Если не Дальневосточный научно-исследовательский институт (пусть не обидятся институтские товарищи — он сейчас больше смахивает на станцию юннатов, чем на действительно научный центр двух колоссальных краев и пяти областей востока страны); если не Дальневосточный филиал Сибирского отделения Академии наук СССР, который пока что тоже только собирается что-нибудь сделать для обобщения опыта целинников, — тогда кто же сделает? Кто заложит фундамент большой сельскохозяйственной науки на востоке Советского Союза, чтобы оправдать слова Н. С. Хрущева о «разумном подходе к делу»?!

Очевидно, ВАСХНИЛ! Очевидно, та самая академия, которая и создана-то была когда-то для практической помощи сельскому хозяйству страны и научного обобщения всего нового, передового, прогрессивного, что в нем рождается.

На Дальнем Востоке — и не вообще на Дальнем Востоке, и именно в Амурской области, там, где большое земледелие и большая целина, — нужен большой, хорошо оснащенный, крупный филиал Академии сельскохозяйственных наук. Тут своя земля, свой — неповторимый! — климат, своя специфика буквально во всем. И отнюдь не случайно то, что в Амурской области 44,5 процента поднятых земель возвращены в залежь!

И вот одно из двух: либо надо ждать, пока дальневосточное земледелие, сравнительно молодое, само на практике накопит богатый опыт, потеряв большое время, либо ему поможет наука. И тогда сроки освоения целины сократятся многократно.

Нам сподручнее второй путь. Значит, слово за наукой!

Г. ХАЛИЛЕЦКИЙ,
собственный корреспондент «Литературной газеты»

ВЛАДИВОСТОК—ХАБАРОВСК—БЛАГОВЕЩЕНСК

ХАРЬКОВСКИЕ ДЕВЧАТА

Болельщиков не спутаешь ни с кем другим — посмотрите, сколько надежды и волнения на их лицах... На спортивных площадках и стадионах Харькова проходят II Всесоюзные летние студенческие спортивные игры. Ну где же еще, как не здесь, можно увидеть самых молодых и подающих надежды спортсменов!

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

У польских поэтов

НЕДАВНО редакция «Литературной газеты» получила письмо одного из своих читателей. Он спрашивал: когда приедет в Москву талантливый певец пролетарской Польши — Владислав Броневский, стихи которого о Магнитогорске так его волнуют?

Полный энергии и поэтических сил, Владислав Броневский вместе со своими товарищами — Артуром Мендзыжецким, Вислявой Шимборской, Станиславом Грохованком и Земовитом Федецким, входящими в состав делегации польских поэтов, гостит сейчас в Советском Союзе и принимает участие в дискуссии «Поэзия и современность».

Дискуссия, в которой вместе с польскими поэтами участвуют и советские поэты, открылась интересным вступительным словом А. А. Суркова. В Центральном Доме литераторов разгорелся интересный спор о месте поэзии и поэта в жизни польского и советского народов, строящих новое общество, борющихся за мир, против угрозы новой войны.

В заключение первого утра дискуссии польские поэты читали свои стихи. А спустя несколько часов гости подчалились на борт «Ракеты»—чудесного корабля на подводных крыльях — и отправились в полуторачасовое путешествие по каналу имени Москвы.

Пользуясь тем, что вскоре улеглось первое изумление польских гостей от этого плавания, напоминавшего полет над водой, я рассказал Владиславу Броневскому о письме читателя и просил его вспомнить, как были написаны стихи «Магнитогорск, или разговор с Яном».

— Этот стих родился из веры в победу коммунизма, — сказал он. — Помню, в 1931 году я был одним из редакторов польского литературного ежемесячника, который в меру своих сил сеял в народе семена веры в социалистическое будущее... И вот полиция арестовала нашу редакцию. Я сидел в одной тюремной камере со старым польским коммунистом Яном Хемпелем, который однажды утром спросил меня:

— Владек, какое сегодня число?

— 13 сентября 1931 года.

— Неужто?! А знаешь ли ты, молодой человек (тогда я еще был молодым), что сегодня в Советском Союзе, на Урале, в новом городе Магнитогорске, начинают действовать первые доменные печи... Советский Союз создает и создаст свою могучую индустрию! Подумай об этом, подумай как следует о городе советского металла — Магнитогорске...

...Спустя несколько месяцев я написал стихи о Магнитогорске, хотя, к сожалению, до сих пор еще ни разу не был в этом, как мне известно, замечательном, бурно растущем городе, символизирующем могущество советской индустрии.

Владислав Броневский свободно говорит по-русски, вероятно, и потому, что он много раз бывал в Москве, Ленинграде, Харькове и других советских городах. Впервые он посетил нашу страну в 1934 году.

— За минувшие четверть века Советский Союз совершил множество великих, поистине богатырских дел, он построил социализм и идет к коммунизму, не раз изумляя мир, — говорит Владислав Броневский. — Меня поражает бурный рост советской экономики, исполинский размах советской науки и индустрии, что является надежной опорой мира и неустанного подъема жизненного уровня народа. Меня еще и сегодня поражает великая историческая победа Советского Союза над гитлеровской Германией, над фашизмом, победа, которая находится в органической связи со всей историей борьбы советского народа за прочный мир во всем мире. Как польский поэт, я думаю об этом всегда...

— Над чем вы работали, что писали в последнее время?

— В двух словах об этом не расскажешь и, вероятно, потому, что поэту труднее отвечать на подобный вопрос, чем, например, прозаику... Тем не менее сообщу, что не так давно я написал стихи «Поклон советской революции». В этих стихах мне хотелось передать низкий земной поклон великому Октябрю 1917 года, великой советской революции, явившейся восходом солнца для народов всего мира. Эту тему я считал и считаю одной из важнейших в своем творчестве. Не так давно я закончил работу над книгой стихов «Анка», которую посвятил моей дочери, умершей в юном возрасте...

Артур Мендзыжецкий, глава делегации, подчеркнул:

— Нам, польским и советским поэтам, необходимы прочные личные творческие контакты. Надо хорошо знать друг друга. Это совершенно необходимо в нашей работе. Сама жизнь требует этого. Польский читатель постоянно с дружелюбным вниманием следит за всем новым, что рождается в Советском Союзе. Не случайно у нас так велик спрос на переводы произведений русских поэтов. Мне это хорошо известно, ибо я тоже переводил произведения Жуковского, Брюсова, Маяковского, Есенина, Тихонова, Ахматовой... Между прочим, государственное издательство Польши издает «Библиотеку поэта». В этой серии недавно вышли книги стихов Брюсова, Есенина, Тихонова. Выйдет книга армянского поэта Чаренца... Месяц назад в этой же серии вышли переводы произведений Щипачева и Максима Рыльского. Сейчас переводятся стихи Светлова.

— Многие поклонники советской поэзии в нашей стране с радостью отмечают каждый ее успех,—продолжал Мендзыжецкий. — Мне, например, как и многим в Польше, очень понравилась поэма Александра Твардовского «За далью — даль». Это, несомненно, важное явление в современной поэзии. В последнее время особенно живой интерес у нас вызывают и молодые советские поэты. И это, конечно, естественно. Поэзия нужна народу по многим причинам и, в частности, тем, что она смотрит в будущее. И спрос на нее так велик, что едва ли имеет смысл как-то противопоставлять в наше время лириков и физиков...

— По-вашему, это не антагонисты?

— Конечно, нет! Они органически связаны с общими перспективами жизни народа, развития нашего социалистического общества. Принцип поэтической метафоры, как я заметил, близок ученым, если это, разумеется, хорошая метафора! Поэзия нужна всем, как всем нужны солнце, звезды, чистая роса и цветущее поле, как всем нужны свобода и вера в будущее.

...Пока мы беседовали, пока за зеркальными окнами салона корабля с фантастической быстротой мелькали чудесные подмосковные пейзажи, «Ракета» за каких-нибудь полтора часа «отмахала» более ста километров, и вот уже, сбросив скорость, она швартуется у Химкинского речного вокзала.

— Вам понравилась наша прогулка на «Ракете»? — спросил я польских поэтов.

— Чудесная поездка, — ответила Вислава Шимборская.

— Этот диковинный корабль и этот голубой путь мы не забудем, — заметил Артур Мендзыжецкий.

— Даже не знаю, что сказать, — смущенно улыбался Владислав Броневский. — Может быть, о «Ракете» родятся стихи... Может быть, тогда я снова вернусь к Магнитогорску тридцатых годов, в жарком дыхании новых доменных печей которого нужно было угадать будущие спутники, лунники, эту «Ракету» и то, чем, несомненно, еще много раз поразят мир советские люди. Передайте им сердечный поклон от польской поэзии!

Н. МАР

На снимке: польский пролетарский поэт Владислав Броневский, поэтесса и переводчица Вислава Шимборская, поэт Станислав Грохованк.

Фото А. Лидова

КНИГУ—НАРОДУ!

190 книг и брошюр общим тиражом в три миллиона экземпляров выходит ежедневно в пятнадцати союзных республиках. По количеству издаваемых книг наша страна занимает первое место в мире. И главное — книги эти с каждым годом покупает все больше и больше людей. Если в 1953 году в стране было продано книг на 2,3 миллиарда рублей, то в прошлом году их продано уже на 4 миллиарда.

Эти цифры, красноречиво свидетельствующие о непрерывно растущих культурных запросах советского человека, привел в своем докладе на Всесоюзном совещании работников книжной торговли начальник Главиздата Министерства культуры СССР А. П. Рыбин.

В постановлении ЦК КПСС «О состоянии и мерах улучшения книжной торговли» с новой силой подчеркнуто, что книжная торговля — составная часть общепартийной, общегосударственной работы по коммунистическому воспитанию трудящихся.

Совещание, на которое собрались из городов и сел страны работники книготорговли, представители издательств, творческих союзов, друзья книги, обстоятельно обсуждает стоящие перед ними задачи по выполнению этого важного постановления Центрального Комитета нашей партии. Речь идет об устранении серьезных недостатков в деле издания и распространения книг. Ведь до сих пор из-за дублирования в работе издательств, на полки магазинов все еще нередко ложатся серые, малохудожественные книги. Сложившаяся практика сбора заказов носит канцелярско-бюрократический характер и не удовлетворяет спроса населения на литературу. Плохо обстоит дело с пропагандой и рекламой выходящих изданий.

Успешное выполнение постановления во многом зависит от укрепления материально-технической базы книжной торговли. В стране сейчас насчитывается всего 8,5 тысячи книжных магазинов. Этого явно мало. Никуда не годится складское хозяйство.

Много говорилось на совещании о необходимости развивать такую форму торговли, как «Книга—почтой» повысить роль библиотечных коллекторов в формировании книжных фондов библиотек, все шире внедрять новые прогрессивные формы книжной торговли — продажу книг без продавца, торговлю книгами вне магазина. Постоянного внимания и поддержки требует растущее с каждым днем движение общественных распространителей книги.

В прениях по докладам выступил 31 человек.

В работе совещания принимают участие заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам Л. Ф. Ильичев и заместитель министра культуры СССР А. Н. Кузнецов.

Вчера на совещании работали секции.

Сегодня — последний день работы совещания.

ВСТРЕЧАЯСЬ С ДРУЗЬЯМИ...

В Москве у артистов Краковского драматического театра имени Ю. Словацкого немало друзей. Это актеры столичных театров, гастролировавших в Польше. Это советские люди, посетившие Польскую Народную Республику в качестве туристов. Это, наконец, сотни зрителей, уже побывавших на представлениях комедий Александра Фредро «Пан Ювяльский», Адама Гжимала-Седлецкого «Его величество король на привале» и пьесы Бертольда Брехта «Жизнь Галилея».

Город ученых и артистов — так называли Краков в средние века. Артисты Краковского театра с гордостью вспоминают об этом. Ведь их коллектив — старейший в Польше, хотя возник он не в XII веке, когда в их родном городе исполнялись первые народные комедии. Год рождения театра имени Ю. Словацкого — 1893. Но и это немалый срок. Почти за семь десятилетий накоплены богатые и плодотворные традиции, позволяющие нашим гостям с тонким изяществом разыгрывать пьесу А. Фредро, с острой иронией решать комедию А. Гжимала-Седлецкого, взволнованно раскрывать замысел «Жизни Галилея» Б. Брехта.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «Пан Ювяльский». Артисты Кристина Ханцель (Гелена) и Вацлав Шилярский (Людмир).

СРЕДИ КНИГ

Девять десятых жизни

Г. ТРЕФИЛОВА

Не каждый читатель знаком с особенностями флотационного режима, составом пульпы и свойствами супермаллоя. Может быть, найдется немало таких, которые впервые уяснят себе все это из романа С. Снегова «Река прокладывает русло».

Но не всегда мы ищем в книге неизвестное. Не чаще ли — самих себя? Так и в этом романе, где все спешат, где торопится автор, чуждый спокойной размеренности повествования, где занятые герои едва успевают заметить смену времен года, мы легко узнаем какие-то черты своей жизни, улавливаем привычный ритм наших будней — напряженный ритм будней большой трудовой страны.

Тяжелая индустрия. Производство средств производства. «Группа А». Кто не произносит этих слов с понятным почтением к основе национального богатства народа и его гордости? Кто не переносит своего уважения и на тех, чей мозг, чьи руки творят и умножают это богатство?

Слишком велико и ответственно дело. Оно не потерпит малых масштабов. Оно создает крупные, значительные характеры и, вырастая, пересоздает их: сознание торопится за изменяющимся бытием.

Тип романа Снегова определяется с первых страниц: роман производственный. Это жанр «Искателей», «Журбиных», «Битвы в пути». Впрочем, он бывал всяким даже в последнее время: он выдавал нам и сталь, и шлак, он породил и убил множество «новаторов и консерваторов»; он представал подробным технологическим руководством по линии производственной и длинным периодическим Боборыкиным — по линии бытовой. Только одного он не мог — он не мог не существовать: сознание, хотя и не вдруг, осваивало бытие.

Такой роман пишется не для гурманов; он догоняет время, он тороплив и действен. Присмотритесь к роману Снегова. Размышления, психологические нюансы в нем — лишь оригинальные и потому сразу заметные исключения. Тут преобладают поступки, споры, диалоги; здесь царит глагол.

Прислушайтесь к речи героев и автора: они ругаются, бранятся и не лезут за словом в карман. Они «затевают драчку», «отбрехиваются», «пускаются в пляс», «тянут резину» и «вправляют мозги»; они «выдавливают» из хозяйственника «километр кабеля и полтонны труб», они говорят: «хреномудрия», они говорят: «кишка тонка». Это раздольная стихия бойкого, не всегда изящного и безупречного, но, несомненно, живого разговорного языка — его лексика, его фразеология, его ирония. Это тот «натуральный» язык, который мы слышим вокруг себя ежеминутно, которым пользуемся и сами.

К сожалению, роман Снегова дурно начат: много лиц, много шуму, экспозиция затянута и маловразумительна. Эпизод с телеграммой «переиграл». Выручает Пустыхин — руководитель группы металлургов крупной проектной конторы. Это первый яркий характер, который прорезывается из толпы неопределенных лиц и сразу организует повествование. Его властная энергия, его категорические суждения, его влияние на окружающих вводят в курс дела и убеждают, что скуки не предвидится, предвидится борьба.

И вскоре в нее уже вовлечены зам. министра Баскаев, начальник комбината Кабаков, директор медеплавильного завода Крутилин, все — опытные командиры производства, взрастившие отечественную индустрию, все — заслуженные, именитые, крутые. А вот и зачинщик — «трубадур» сплошной автоматизации Лесков, потрясатель проектов и планов, колючий и резкий максималист-«стратосферщик». Это уже не просто конфликт новаторов и консерваторов. Когда промышленность готовится подняться на новую ступень, чтобы сделать большой шаг к идеальному производству эпохи коммунизма, когда этот процесс делается глубоким, целенаправленным и всеохватывающим, — новаторство перерастает в нечто большее: оно становится обновлением. Начальная стадия этого процесса с ее противоречиями и с ее перспективой отражена в романе Снегова.

Композиция произведения может озадачить, но она целесообразна: Лескова в самом разгаре борьбы за радикальные поправки к проекту нового завода внезапно «перебрасывают» на новое место. По-видимому, он отступает без боя. Но автору кажутся существенными не частные споры и препирательства Лескова с Пустыхиным или Кабаковым, а битвы и победы идей в сознании каждого героя и их конечные практические и политические результаты. Лесков уезжает из Ленинграда в Черный Бор, но Пустыхин не спешит торжествовать победу: его блистательное «чувство реальности» обогащается «стратосферскими» идеями Лескова. В то же время конкретная практика внедрения автоматики на старом заводе сталкивает Лескова с оборотной стороной модернизации: трудностью наладки, нарушением плановых заданий, конфликтом в жизни и сознании рабочих, для которых, как это случилось с дядей Федей, облегчение ручного труда может обернуться и дисквалификацией. Автор увлечен этой сложной диалектикой. Он видит единую тенденцию, одинаково ощутимую и в ленинградской проектной конторе, и в московском министерстве, и на большом металлургическом комбинате Черного Бора. Впечатление всеобщности научно-технического новаторства поддержано побочной, но характерной линией ученых споров и личных столкновений сестры Лескова Юлии с ее «заклятым врагом» профессором Волковской и своеобразной полемикой Лескова с инженером Павловым, убежденным, что автоматизация останется лишь более совершенным способом толчения воды в ступе, если не будет революции в технологии.

А это уже его, Павлова, «пункт». Усилия и частные стремления отдельных людей сливаются в единый поток. Он определяет свое русло, размывает самую твердую породу, обтачивает камни, имеет глубинное течение и вверх взметнувшуюся пену.

Этот поток поглощает девять десятых жизни героев Снегова. Ему отдано лучшее: способности, страсти, время. То, что вне его, — лишь эпизод, лишь пауза и частность. Вражда и дружба, увлечения и симпатии, занятия и досуг — все определяется производством и все ему подчинено. Однако благородная «одержимость» героев таит в себе противоречие, опасное для героев и для романа в целом. Она может привести и приводит к односторонности, негармоничности образа жизни и развития личности. Когда Лесков в разговоре с сестрой называет себя и своего друга «нудными людьми», когда неутомимый Пустыхин чуть ли не силой влечет своих сослуживцев то на дружескую пирушку, то в клуб, то «на лоно природы», — они сами чувствуют эту односторонность и стремятся хоть немного восполнить ее. Характерными штрихами романа остаются обед, упоминаемый лишь как синоним слова «перерыв», кино, в которое не ходит проектировщик Шур, подчеркнутая вначале нелюбовь Павлова к «уюту и варенью», неприязнь Лескова к танцам и пению, наконец театр, в который все равно уже не попадает Пустыхин. Герои Снегова — неотвлекаемые «производственники», завсегдатаи гостиниц и столовых. Их легко представить в условиях кабинетов и лабораторий, но они с трудом вписываются в другой интерьер.

Автор всячески стремится раздвинуть рамки романа и дать представление о богатстве внутренней жизни героев, но в этой области он менее новатор, чем в изображении производственных конфликтов. Он вводит в роман большое количество любовных и семейных коллизий. Среди них есть интересно задуманные, неизбитые. Но поскольку энергичным, умным, талантливым героям Снегова, — так, как они изображены в романе, — глубоко недостает подлинной культуры чувств, ни одна из этих коллизий не становится значительной. Может быть, мы более сочувственно отнеслись бы к семейной драме Галана и Анюты, если бы знали, что так крепко соединило когда-то этих двух людей; может быть, образ инженера Закатова приобрел бы большие цельность и привлекательность, если бы он с его развитым эстетическим вкусом и склонностью к прекрасной поэзии, сознавал пошлость своей интрижки с Ашотой. Немногим лучше оскорбительных предложений наладчика Селикова ухаживания Лескова за хорошенькой работницей Машей; да и роман его с Надей Ясинской, вероятно из-за бесцветности образа этой «яркой девушки», не трогает и не убеждает.

Из многих женских образов романа по-настоящему привлекателен и глубок лишь один. Это сестра Лескова — Юлия. Не парадокс ли, что именно ее менее всего коснулись романические ухищрения автора; и даже водевильно решенный эпизод сватовства Павлова не снизил этого образа. Обаяние, элегичность и жизненность его — вне любовно-лирической мелодии, или, вернее, в ее робком, приглушенном, едва слышном звучании; они — и в огорчительном, но реальном противоречии женственной прелести Юлии с ее долгим одиночеством и бесплодным увяданием и — позднее — в ее сознательно-героическом материнстве, тема которого так человечно и победно, как будто бы традиционно и все же по-своему, ново завершает весь роман.

Возможно, произведение это могло бы вообще не посягать на «тему личную и мелкую». Оно и тогда было бы интересно и правомерно, хотя круг его читателей сократился бы весьма значительно. Однако автор явно стремится к роману более синтетического плана. Отсюда и наши повышенные требования к нему.

В романе есть знаменательный пейзаж: черный, «убитый кислотой лес» простирается по обе стороны дороги. Это не удивляет героев: «плавка руды без газа немыслима». В некотором смысле это даже норма.

Но не в черный, а в зеленый бор везет Пустыхин своих приятелей, истосковавшись по лету и свежей листве.

Какой же «кислотой» отравлена и обеднена эмоциональная жизнь героев Снегова? С известной точки зрения, нормально и это (вспомним знаменитый спор физиков и лириков). Но это неестественно, как черный лес, и должно быть преодолено в литературе так же, как и в жизни.

С. Снегов. «Река прокладывает русло». Роман. Журнал «Октябрь», №№ 4, 5, 6. 1960.

ВЫШЛИ В СВЕТ...

КНИГИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Заходер Б. Никто и другие. Веселые стихи. «Молодая гвардия». 102 стр. 75 000 экз. 3 р. 25 к.

Кервуд Д. Гризли. — Казан. Повести. Для среднего и старшего возраста. Перевод с английского В. Неделина и Н. Дехтеревой-Архипопой. Послесловие Ю. Нагибина. Детгиз. 318 стр. 115 000 экз. 5 р. 95 к.

Киселева В. Первая песня. Рассказы. Для младшего возраста. Рисунки Б. Коржевского. Детгиз. 32 стр. 115 000 экз. 50 к.

Люшнин Г. Про коня и пароход. Стихи. Для дошкольного возраста. Рисунки В. Колтунова. Детгиз. 16 стр. 310 000 экз. 1 р. 35 к.

Магалиф Ю. Бибишка — славный дружок. (Повесть-сказка). Для младшего и среднего возраста. Иллюстратор Х. Аврутис. Новосибирское книжное издательство. 87 стр. 30 000 экз. 1 р. 70 к.

Мусатов А. Гори ясно... Рассказы. Для младшего и среднего возраста. Рисунки В. Винокурова. Детгиз. 176 стр. 125 000 экз. 3 р. 95 к.

Некрасов А. Мы были на Диксоне. Для среднего возраста. Рисунки Н. Сальникова. Красноярское книжное издательство. 72 стр. 30 000 экз. 1 р. 15 к.

Татьяничева Л. Пять веселых молотков. Стихи. Рисунки Ю. Полуэктова. Свердловское книжное издательство. 26 стр. 35 000 экз. 60 к.

Шварц Е. Сказки. Повести. Пьесы. Послесловие Л. Рахманова. Иллюстрации Н. Петровой. Детгиз. 358 стр. 100 000 экз. 9 р. 25 к.

Писатель, боец, коммунист

Когда читаешь новую книгу о Фадееве и встречаешься в ней с именами Левинсона, Метелицы, Морозки, невольно ловишь себя на мысли: а кто они? Персонажи полюбившегося романа или живые люди, старые, верные друзья, революционные бойцы, судьба которых еще в юности взволновала нас? Герои Фадеева вошли в сознание многих поколений советских людей как сама реальность нашей жизни и борьбы. Поэтому они неотделимы от великих свершений эпохи, от ее драматизма и подвигов, от ее коммунистического пафоса.

В художественных произведениях Фадеева, в его публицистике, теоретических и литературно-критических выступлениях, наконец, в его незавершенных замыслах каждый может почувствовать страстную, кровную заинтересованность писателя в победе нового мира, нового человека, беззаветную преданность идеалам Октября. Дело литературы было для Фадеева делом революции, это же стало главным, священным делом его собственной жизни.

В работе В. Озерова внимательно рассмотрена многогранная деятельность Фадеева и прежде всего справедливо подчеркнута цельность его творческого мировосприятия, органический характер внутреннего развития его большого оригинального таланта в связи с движением самой жизни.

К достоинствам рецензируемой книги как раз и относится стремление ее автора разглядеть и показать читателю своеобразие активного творческого «я» Фадеева, которое по-разному, но в единстве проявляется и в классическом «Разгроме», и в образах Петра Суркова и Алеши Маленького в «Последнем из удэге», и в портретах молодогвардейцев, и в публицистических очерках о Ленинграде в дни блокады, и в главах последнего незавершенного романа «Черная металлургия», как и в статьях о социалистическом реализме, и в выступлениях за мир.

Мечта о новом, коммунистическом человеке захватила Фадеева с первых шагов его творческой жизни. В. Озеров верно говорит, что рождение нового человека составляет центральную проблему творчества Фадеева, и убедительно полемизирует с А. Бушминым, который в своей работе о «Разгроме» недооценивает именно это общественно-философское звучание романа и, в частности, образ организатора и воспитателя масс Левинсона.

Фадеев вдохновенно показывал в своих произведениях, как в муках и радостях рождается новый человек, как сбрасывает он тяжелые вериги старого мира, как изменяется его душа, формируются его новые нравственные черты, складывается его революционный характер. С этой точки зрения анализирует автор монографии выдающиеся творения писателя — романы «Разгром», «Последний из удэге», «Молодая гвардия».

Автор исследования не расположен к иконописи. Он не умаляет прекрасных достижений художника, но не скрывает и его просчетов. Таковы ошибочные ранние выступления писателя против романтики, неверное понимание лозунга «за живого человека в литературе», ряд других неправильных суждений Фадеева. Надо пожалеть лишь, что В. Озеров не дает полного и стройного представления об эстетических взглядах писателя, прибегая к ним лишь в процессе анализа художественных произведений.

В работе В. Озерова используется личный архив Фадеева. Это придает книге особую ценность. Письма, дневники, конспекты, а также черновые варианты различных публикаций писателя представляют, естественно, благодарнейший материал для исследователя. Читатель может познакомиться, например, с планами и набросками ряда неосуществленных замыслов Фадеева.

Заключительный раздел своего труда автор посвящает последнему, неоконченному роману Фадеева «Черная металлургия». Писатель задумал книгу не только о металлургии или металлургах. «Это роман о советском обществе наших дней», — сообщал он А. Суркову весной 1953 года.

Критик искусно анализирует и опубликованные главы книги, и те, что сохранились в рукописи, а также упоминания и размышления Фадеева об этом произведении в заметках и письмах. Вывод В. Озерова таков: «Автор в некоторых сюжетных линиях пошел за внешним ходом событий, не сумев глубоко и самостоятельно разобраться в них».

Нам это соображение представляется верным. Уже сам Фадеев смог убедиться в ложности избранного им конфликта между сторонниками и противниками электрометаллургического процесса. Поддержка этого способа производства была ошибочной, так как выявилась его несостоятельность. Между тем вокруг этого вопроса располагались все события и герои будущей книги. Осознав свою неудачу, Фадеев приступил к перестройке романа, но смерть помешала ему завершить эту работу.

Книга В. Озерова дает цельное представление о творческом пути одного из самых выдающихся писателей советской эпохи.

Однако Фадеев в этом исследовании слабо показан как деятель литературного движения, в котором он на протяжении трех десятилетий играл весьма видную роль. Не нужно думать, что эта сфера работы писателя не связана с его творческим путем. Фадеев как раз и являлся художником нового типа. Общественная жизнь и литературная борьба были органически сплавлены с его творчеством. Это в монографии В. Озерова раскрыто далеко не полно.

С этим связан и другой, на наш взгляд, недостаток книги. Мы имеем в виду неглубокую характеристику литературного процесса и значения в нем произведений Фадеева. Если о «Разгроме» в этом смысле кое-что и сказано, то, например, роль «Молодой гвардии» в развитии послевоенной литературы почти не освещена. А ведь интересно было бы проследить, как углублялся психологический анализ душевной жизни героя в книгах наших писателей после «Молодой гвардии».

Но, может быть, все это — темы других работ, появление которых не за горами. Книга же В. Озерова является достойным вкладом в историю советской литературы, хорошим словом об одном из ее замечательных творцов.

Г. БРОВМАН

В. Озеров. «Александр Фадеев. Творческий путь». Издательство «Советский писатель». Москва. 1960.

ВОСПОМИНАНИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ

«Этот сборник выпускается как память о выдающемся советском писателе, общественном деятеле Александре Александровиче Фадееве в крае, который он считал своей родиной, — на Дальнем Востоке, в городе Владивостоке, когда город отмечает свое столетие».

Этими словами из предисловия хорошо определяются содержание и значение сборника «А. Фадеев. Письма дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях». Сборник выпускает Приморское книжное издательство. Это — результат многолетней организаторской и исследовательской работы прежде всего писателя-дальневосточника, энергичного пропагандиста творчества Фадеева — Василия Трофимовича Кучеряненко. В сборнике два раздела: в одном — письма Фадеева дальневосточникам, в другом — воспоминания о нем. Среди авторов читатель встретит сестер писателя Т. Фадееву и В. Сибирцеву-Шушарину, старых коммунистов, участников партизанской борьбы против иностранных интервентов, соратников будущего писателя по большевистскому подполью М. Губельмана, О. Лазо, З. Секретареву, Т. Головнину, К. Серова, Н. Ильюхова и других.

В своих письмах на Дальний Восток матери, сыновьям Мише и Шуре, старому другу А. Колесниковой, участнику партизанского движения в Приморье Ф. Мышанову, бывшему учителю литературы и русского языка Владивостокского коммерческого училища (в котором учился А. Фадеев) С. Пашковскому и другим Фадеев предстает человеком огромной чистой души, влюбленным в Дальний Восток, коммунистом во всех своих делах и помыслах. Большой интерес представляют воспоминания Го Мо-жо «Наша дружба была особенно глубокой».

Сборник значителен по объему — свыше тридцати листов, снабжен многочисленными фотографиями.

ВЛАДИВОСТОК. (Наш корр.)

ХАРЬКОВСКИЕ ДЕВЧАТА

...А эти девушки еще учатся в школе. Сейчас у них каникулы. И те, кто остался на лето в городе, обычно вечерами встречаются здесь, на площади Дзержинского...

Фотоочерк А. Стешанова

НОВИНКИ

Повесть Лу Синя

Тридцать лет назад впервые на русском языке была издана повесть Лу Синя «Подлинная история А-Кью». С тех пор она неоднократно переиздавалась. Причем редактором одного из наших изданий был А. Фадеев, высоко ценивший творение Лу Синя. Хорошо известна повесть и в других странах. Ромен Роллан говорил, что «никогда не забудет печального образа А-Кью».

На днях Гослитиздат выпустил новое отдельное издание повести Лу Синя в переводе Вл. Рогова. Это — небольшая, почти карманного формата книжка, очень хорошо оформленная художником Евг. Коганом.

Сказки Африки

«Давно-давно, когда животные, так же как и люди, могли разговаривать...» — так начинается одна из сказок этого сборника.

Встретил однажды человек в пустыне крокодила и в простоте душевной оказал ему помощь — отвел его обратно в реку. Но крокодил заплатил злом за добро. И тогда человек понял: доброта, оказанная тому, кто ее не заслуживает, — ловушка для благодетеля, как говорится в сказке.

В сборнике «Сказки народов Африки», выпущенном Гослитиздатом, представлены сказки многих африканских народов: бушменов и зулу, ламба и суахили, сказки дагомейцев и эве, мандинго и фульбе.

ДЫМ ОЧАГА

Л. АННИНСКИЙ

Когда армяне хотят сказать о чем-то непередаваемо армянском, они в полушутку говорят о «зангезурском» колорите. Зангезур — древняя область Армении, давшая героев национально-освободительного движения, видных деятелей культуры. Это как бы одно из средоточий сугубо национального.

С этого слова начинается биография Серо Ханзадяна: он родом из Зангезура. Там же происходит действие широко известного в Армении романа Ханзадяна «Земля». Когда читаешь новый сборник его рассказов, с языка так и просится: «Зангезур»!

Но сначала выключим из разговора просто слабые, случайные вещи, почти анекдоты: «Абунц Аракел-апер», «Длинный Уган», «Мастер Кероб» и еще две-три необязательные истории. Оставим те рассказы, в которых писательская манера Ханзадяна выразилась ярко и до конца.

И тогда начинается самое удивительное.

Вас, читателя XX века, не коробят волосы, «благоухающие ароматом весенних цветов», губы, подобные «лепесткам мака, омытого росой». Вас не настораживает, что девушки у Ханзадяна — непременно «трепетные», стройные, «как лань»... В лучших рассказах Ханзадяна есть та художественная последовательность, которая заставляет вас либо целиком их отвергнуть, либо принять целиком. Пронизанные фольклорной поэтикой, они убеждают вас, как по-своему убеждает высокохудожественная, полная условности фреска.

Да, при всей своей внешней реалистичности действие в рассказах Ханзадяна часто движется в русле ситуаций, условной почти до притчи. Герой рассказа «Угрызения совести» Одноглазый, замучив жену до смерти, погибает (все это происходит в старое время) от раскаяния, которое преследует его, как необъяснимый и неотвратимый рок. «Стоило ему поднести ко рту кусок хлеба — совесть жалом вонзалась в его сердце»... Пейзажи Ханзадяна ярки, грандиозны, неподвижны. Враги в этой книге подобны зверям, волкам. Друзья — живущие в этих местах армянские крестьяне, колхозники, — чтят свою землю, ее обычаи, ее древние законы. Все это — «зангезурский» колорит.

Но при всей условности, при всей — в ряде случаев — нарочитости этого колорита лучшие рассказы С. Ханзадяна передают (сказать «изображают» было бы неточно) облик армянского труженика земли. Облик крестьянина, который в старую пору мыкал нужду или — там, за линией границы, — жил от погрома до погрома. Облик сегодняшнего колхозника, в котором, наряду с чем-то новым, улавливает писатель и те «вековые» черты, что так милы его сердцу. Великое уважение к своему очагу, к земле, которая кормит, к труду, который преображает землю. И это мудрое спокойствие, выкованное исторической горестной судьбой. И чрезвычайно развитое чувство внутреннего долга, самодисциплины. И душевная щедрость, до щепетильности обязательная щедрость к настоящему другу. При всей условности многих рассказов Ханзадяна, реален и полон жизненной силы тот корень, который питает цветы их колорита. Корень этот — люди, живущие в нагорьях Зангезура, люди, в которых писатель влюблен безраздельно, вместе с которыми он смотрит на мир.

Собственно, где-то здесь достоинства писательского пристрастия Ханзадяна и переходят в недостатки. Колорит рождается не только местом. Он рождается временем. И не всегда.

Когда старая ворожея, взявшаяся излечить неплодность Хеназ, жены Рушана, обманом вовлекает женщину в объятия другого мужчины и Хеназ умирает от сознания совершенной измены, — мы вместе с автором проникаемся уважением к нравственной чистоте старорежимной крестьянки. Но вот наш современник, юноша Марут, сын бойца, погибшего под Керчью в эту отгремевшую войну, возвращается из детского дома в свою деревню и узнает, что его возлюбленную Сатени родичи против ее воли отдали замуж за негодяя. Тот попадает в тюрьму. Теперь Сатени свободна, она любит Маруга... И все-таки сперва она решительно ему отказывает: «Я ограблена... Понимаешь?.. Я недостойна тебя!» Как-то трудно в наши дни в этом «Я недостойна!..», во всей этой ситуации не ощутить явного анахронизма.

Бесконечно доверяя своим героям, С. Ханзадян не всегда умеет вовремя отделить себя от них. Писатель поэтизирует очаг армянского дома. Но он поэтизирует его даже там, где очаг этот превращается в некий жертвенник.

...Из года в год мать и жена ждут не вернувшегося с войны Апавена. Изо дня в день (это почти ритуал) в доме специально готовится и оставляется на ночь еда: может, именно сегодня Апавен вернется. А годы идут... И наконец мать — почти случайно — узнает: Апавен погиб смертью героя, надежды больше нет. И что же? В страшную минуту, еще не зная, сумеет ли она сама пережить только что услышанную весть, мать все же успевает решить: нет, она ничего не скажет невестке! Пусть та все-таки ждет!.. А это значит, добавим мы от себя, пусть мучается неизвестностью, пусть молодая женщина навсегда забудет о том, что она женщина, лишь бы жена Апавена и сын Апавена остались в доме Апавена. Ведь иначе «развеется дым очага», ведь иначе «из очага... предков не поднимется в небо дым»...

Нет. При всем нашем уважении к безмерному материнскому горю, к вековым народным обычаям, не будем терять трезвости в тот момент, когда родной очаг вдруг становится похожим на родовой, а любовь к нему — на культ... Ведь порой и юным героям С. Ханзадяна дым этого очага заслоняет большие горизонты:

«— Уходишь? — широко раскрыв глаза, спросила Сатени.

— Ухожу», — решает Марут. И, стараясь удержать любимого, девушка напоминает ему:

«— А сад, ручей, дом твой?»

«Дом твой»! Все тот же незыблемый аргумент. А ведь в рассказе «Золотые руки» (на днях опубликован в «Правде» под названием «Другой человек») сам писатель сказал: «Изменилось село. Изменились и люди...» И, разумеется, не только сказал — С. Ханзадян показал нам, как эти люди распрямились, поверили в себя, стали неизмеримо счастливей. Например, Симу Рубен из «Золотых рук» — некогда этакий деревенский Шейлок — теперь действительно «другой человек»... Но вот со многими героями иных рассказов дело обстоит не совсем так.

Да. Очаги дымят. Дома стали новыми. Окна большими. Но есть же еще и огромный мир за этими окнами...

Можно сколько угодно любоваться морщинами, выжженными временем на лице старой крестьянки, можно добродушно подтрунивать над ее манерой охать: «Вай, да ослепнет тот, кто нас проклял!». Но важно не поддаться обаянию «народности», когда исковерканная тяжкой судьбой старуха крикнет сыну, уходящему в жизнь: «Вернись! Кто будет счищать мох с моего могильного камня?».

Классический афоризм насчет того, что не все в народе народно, не потерял еще своей общей справедливости. Любуясь вместе с Ханзадяном «зангезурским» колоритом армянской деревни, мы не должны забывать, что далеко не все свое прошлое эта деревня возьмет в будущее.

Что же касается города, то отношение к нему героев сборника также служит весьма контрастным проявителем их ограниченности.

Город в рассказах С. Ханзадяна существует в двух вариантах. Или это уважаемое, возвышающее человека вместилище света и разума, — тогда он представляется героям в виде министра, который сидит в кабинете или приезжает в их деревню в легковой машине; чем больше кабинет и роскошнее машина, тем лучше, а уж министр должен быть непременно одет наряднее всех («Прямо князь!» — определят тогда деревенские старики). Или город — капище, которое портит честного человека. Так развращен был честный парень Арсен, сын Асрада. Когда пастух Асрад пришел из деревни посмотреть, как его мальчик учится в университете, старик обнаружил его официантом в закусочной, зарабатывающим на чаевых. Пастух возмутился. Он отказался принять богатые подарки, отказался есть присланный сыном из закусочной обед... Он достал свой хурджин, «...нашел сухие корочки лаваша, сыр и принялся есть и запивать водой».

Старик Асрад не нашел более сильных аргументов. А писатель? Правда, в уста того же Асрада он вкладывает и верные суждения о городской жизни. Но они звучат декларативно и пасуют перед впечатляющей силой художественности.

Конечно, ограниченность того или иного конкретного героя книги может и по сей день не противоречить логике образа. Но ведь речь идет и о том, как относиться к этому явлению.

...Зангезур — одна из древнейших областей Армении, край замечательных тружеников земли. Но есть в Армении Арагац — гора, у которой расположена всемирно известная обсерватория. Люди, в ней работающие, — цвет и гордость мировой науки. На Зангезур с его традициями, с его колоритом надо смотреть с высоты Арагаца. Серо Ханзадяну, великолепному знатоку и живописцу родного края, не всегда это удается. А ведь «взгляд с Арагаца» придал бы его цельным, ярким и темпераментным героям иную масштабность. Как раз ту, которой достоин талант художника.

Серо Ханзадян. «Мои родные и соседи». Рассказы. Авторизованный перевод с армянского. «Советский писатель». Москва. 1959.

«Устный выпуск» «Литературной газеты»

Так называлась эта встреча с читателями, состоявшаяся 26 июля в московском парке культуры и отдыха «Сокольники».

Более двух тысяч читателей собралось здесь, чтобы познакомиться с работой и планами «Литературной газеты», с ее авторами — прозаиками, поэтами, журналистами.

Собравшимся были представлены гостящие в Советском Союзе польские поэты Владислав Броневский, Артур Мендзыжецкий, Вислава Шимборская, Станислав Гроховяк.

Главный редактор «Литературной газеты» С. С. Смирнов и члены редакционной коллегии Г. Радов и Б. Леонтьев рассказали о творческих планах редакции на ближайшее время. Тепло встреченные собравшимися, польские поэты читали свои стихи. С переводами этих стихов аудиторию познакомил М. Живов. С чтением своих стихов выступили поэты Николай Старшинов, Андрей Вознесенский, Роберт Рождественский.

В «Устном выпуске» «Литературной газеты» приняли участие московские артисты: Роза Гордеева, Кира Смирнова, Е. Нейд и С. Зуев, концертмейстеры Р. Климова, Е. Павлова. Редакция выражает им свою горячую благодарность.

DAILY MAIL, Wednesday, July 13, 1960

THE AMERICAN LINE-UP IN BRITAIN

Background to yesterday's Commons row over the plane that flew from Brize Norton

REPORT ON

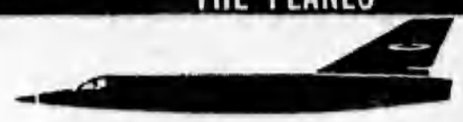
THE PEOPLE

SERVICEMEN
35,000

FAMILIES AND CIVILIAN PERSONNEL
45,000

CIVILIAN RESIDENTS
30,000

THE PLANES



3rd Air Force: 10 Bases 1 H.Q.

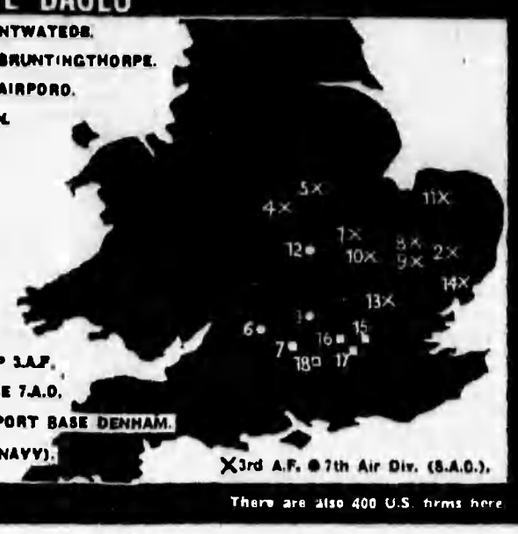
F-100.D Super Sabre Atomic Fighters	150
RB.66 Destroyer Recce Aircraft	66
F-101 Voodoo Atomic Fighters	75
B.66 Destroyer Atom Bombers	75
Transports	20
Weather Planes	8
TOTAL	396

7th Air Div. (S.A.C.) 4 Bases 1 H.Q.

B-47 N. Bombers	150
KC-97 Tanker Aircraft	6
RB-47 Recce Aircraft	8
TOTAL	162

THE BASES

1. ALCONBURY. 2. BENTWATERS.
3. BRIZE NORTON. 4. BRUNTINGTHORPE.
5. CHELVESTON. 6. FAIRFORD.
7. GREENHAM COMMON.
8. LAKENHEATH.
9. MILDENHALL.
10. MOLESWORTH.
11. SOULTHORPE.
12. UPPER HEYFORD.
13. WETHERSFIELD.
14. WOODBRIDGE.
15. H.Q. SOUTH RUIM.IP 3.A.F.
16. H.Q. HIGH WYCOMBE 7.A.D.
17. LONDON AREA SUPPORT BASE DENHAM.
18. GLACKBUSHE (U.S. NAVY).



×3rd A.F. ●7th Air Div. (S.A.C.).

3,000 British girls marry U.S. Servicemen in 1 year. | 400,000 tourists are expected this year. | There are also 400 U.S. firms here

США угрожают Англии

США Блэкбуш. В левой части — маленькие фигурки солдата, вольнонаемного и бизнесмена. Под ними — цифры, показывающие, сколько американцев уже «накопилось» в Англии. Как видно, бизнесмены ненамного отстают от военных. Сейчас в Англии действует около 400 американских фирм...

В центре сосредоточены сведения исключительно военного характера. Всего на английских,—ставших американскими в силу неписаного соглашения Эттли—Трумэна,—аэродромах сейчас базируется 548 американских самолетов, принадлежащих 3-й авиаармии ВВС США и 7-й авиадивизии стратегического командования ВВС США. Из них только бомбардировщиков, способных нести ядерные бомбы,—285. Истребителей — 225, прочих вспомогательных самолетов — 32 и самолетов-шпионов типа «РБ-47» — шесть. Только ли шесть?

Мы далеки от того, чтобы полностью полагаться на сведения консервативной газеты, которая к тому же пользовалась таким источником, как орган американских бизнесменов «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт». Тем более, что «Дейли мейл» не рискнула прокомментировать эту красноречивую схему, надеясь, видимо, что ее читатели, в зависимости от их политической ориентации, сделают выводы сами.

Ниже мы помещаем несколько выдержек из английской печати, которые дополняют то, о чем умолчала «Дейли мейл».

***

«В данный момент Англия не имеет решающего слова в вопросе о том, что делают американцы на своих базах в Англии».

«Дейли миррор», 13 июля

«Положение (на авиабазе Брайз Нортон) можно охарактеризовать в нескольких словах. Эти слова персонал базы выучил *наизусть*—ответ, который им приказано давать на любой вопрос о самолете «РБ-47»:

— Спрашивайте госдепартамент в Вашингтоне».

«Дейли мейл», 12 июля

«Соглашение, по которому американские военные самолеты используют аэродромы Британских Королевских ВВС, сформулировано так расплывчато, что ни один английский политический деятель или военный не может получить сведения о том, откуда вылетел и куда направляется бомбардировщик или истребитель с американскими звездами на крыльях, удаляющийся высоко в небе от английских берегов».

«Ньюс кроникл», 10 июля

«...Картина ядерной шахматной игры на доске, простирающейся на весь мир, примерно такова:

Каждый час американские и английские бомбардировщики с водородными бомбами будут взлетать и совершать посадки. Они полетят от Англии до Испании, от Испании до Кипра, Ливии, Турции и так далее, вокруг земли до Пакистана, через Тихий океан к Аляске, Гренландии и домой, в Англию—или в обратном направлении. ...Англо-американское соглашение — еще один шаг на пути к ядерному самоубийству».

«Трибюн», 17 июня

«Разведывательные полеты... вызывают широко распространенную тревогу в Англии, которая не уменьшается от бодрого балансирования высокопоставленного офицера (начальника штаба американских ВВС генерала Уайта) на грани войны, заявляющего, что эта демонстрация силы и длительности успокаивает союзников США».

«Скотсмен», 20 июля

«Нельзя не прийти к выводу, что английским гражданам, проживающим близ американского аэродрома, грозит опасность быть уничтоженными без предупреждения. Поэтому они правы, когда спрашивают, производятся ли эти полеты с ведома английского правительства. Они могут подозревать, что ни английские, ни американские власти не знают достаточно хорошо, что делают их подчиненные».

«Уитни газзет», 15 июля

Аэродром Брайз Нортон в момент, когда на него совершает посадку шпионский самолет типа «РБ-47». Колючая проволока ограждает аэродром от любопытства англичан.

Снимок из газеты «Ньюс кроникл».

Тысячу раз прав товарищ Хрущев

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

капиталистического мира не могут больше предаваться былым мечтам об успешной вооруженной агрессии против него. Иллюзии западных стран, полагавших, что они обладают монополией и превосходством в области атомного оружия, рассеялись, как о том свидетельствует нынешний кризис в НАТО. Мечтам западного мира о превосходстве в области ядерного оружия нет возврата. Стало быть, здравый смысл требует перехода от «холодной войны» к мирному сосуществованию, которое может быть достигнуто в результате переговоров, на основе признанного равноправия сторон.

В-третьих, развитие современной науки и техники, в результате которого расстояние между самыми отдаленными точками земного шара может быть покрыто за несколько часов, а также *безграничная* разрушительная сила современного ядерного оружия заставили всех признать, что ни одно правительство больше не может беззаботно относиться к возможным последствиям «большой войны». Было бы ошибкой утверждать, как это делают некоторые, что только одно это обстоятельство и имеет решающее значение, что именно им диктуется необходимость нового подхода к проблеме. Весь опыт показывает, что неминуемая катастрофа, к которой привела бы новая война, *может явиться не столько* результатом трезвого учета всех возможных выигрышей и потерь, сколько результатом антагонизма между двумя противостоящими друг другу вооруженными силами, обострившегося в конце концов до такой степени, что дело дошло бы до кризиса и взрыва. Коренная перемена в самом характере вооружения, которая отныне означает не просто усиление разрушительных свойств оружия, а является качественным его изменением, представляет собой очень важный фактор, вынуждающий государственных деятелей с самыми разнообразными политическими взглядами по-новому подходить к этой проблеме.

В-четвертых, всеобщее стремление к миру, характерное для стран социализма, отнюдь не ограничивается социалистическим лагерем, составляющим треть мира; такое стремление с огромной силой выражают и народные массы всех несоциалистических стран.

Это сотрудничество широчайших народных масс в борьбе за мир уже сейчас сметает барьеры «холодной войны». В прошлом мы имели пример сотрудничества народных масс, которому не смогли воспрепятствовать барьеры, возникавшие вследствие различия в социальных системах отдельных государств. Речь идет об активной борьбе рабочего класса и прогрессивных сил капиталистических стран за прекращение интервенции в Советской России — борьбе, которая помогла покончить с интервенцией. В наши дни размах общенародного движения за мир во всех странах настолько велик, что с ним вынуждены считаться все государственные деятели. Опыт парламентских выборов в Англии и проходящей сейчас подготовки к президентским выборам в США свидетельствует об этом с достаточной наглядностью.

В результате сочетания всех этих новых факторов и сил, возникших в современном мире, мирное сосуществование отныне становится не только надеждой, но реальной перспективой.

Это не означает, однако, что мирное сосуществование уже обеспечено. Есть еще отчаянные элементы, которые всеобщее уничтожение предпочитают предоставлению всем народам права свободно выбирать для себя ту или иную социальную систему. Так, лорд Бэрдвуд, выступая в 1959 году в английской палате лордов, выразил мнение, ставшее ныне ходячей фразой в некоторых правящих кругах западных стран: «Я предпочел бы очутиться в мире, где уже нечего будет спасать, нежели жить в таком мире, где будет господствовать система, вызывающая у меня отвращение. Я не желаю жить в таком мире. Я предпочел бы погибнуть».

Высокородный барон, разумеется, может говорить от своего имени. Но он не может говорить от имени всего человечества. Видимо, фанатизм у него берет верх над рассудком. От него ускользнула самая суть спора о ядерном оружии. Никто не отнимает у него права распоряжаться собственной особой и—если ему так хочется—погибнуть в знак пылкой ненависти к революционным идеям. Однако он не имеет никакого права ратовать за то, чтобы во имя его убеждений были уничтожены сотни миллионов других людей.

Возможно, что молва о достославном лорде Бэрдвуде еще не дошла до 99,9 процента рода человеческого. Поэтому исчезновение этого лорда вряд ли вызвало бы громкие стенания на всем земном шаре. Но вот если бы люди узнали, что он предлагает всех их уничтожить, потому что не одобряет их позиции, это вызвало бы у них вполне понятное раздражение. Суть трафаретного высказывания лорда Бэрдвуда, а также разглагольствований разных архиепископов и консервативных журналов, выступающих в защиту ядерного оружия («я предпочел бы погибнуть, нежели жить в коммунистическом мире»), заключается в следующем: если, например, 99 процентов человечества предпочтут коммунизм, а лорду Бэрдвуду и его единомышленникам, составляющим в общем один процент человечества, *это придется не по вкусу*, то тогда этот один процент будет вправе умертвить 99 процентов других людей и себя в придачу. Это не «героизм» умирающего класса, а просто патологическая жажда человекоубийства.

Но большая часть рода человеческого отвергает это безумие и единогласно требует скорейшего претворения в жизнь идеи мирного сосуществования.

ЭТИ СТРОКИ были написаны в начале 1960 года. С тех пор наша борьба за мир поднялась на новую, более высокую ступень.

Открытым врагам мирного сосуществования, фанатичным поборникам «холодной войны», американским милитаристам, пустившимся на авантюру с «У-2», удалось сорвать совещание в верхах, *а также переговоры о разоружении*.

Означает ли это, что силы империалистических агрессоров возросли, а силы мира потерпели поражение? Следует ли сделать *из этого* вывод, что исчезают надежды на мирное сосуществование? Отнюдь нет! Подлинное значение происходящего подводит нас к прямо противоположному выводу.

Во-первых, действия авантюристов, пославших «У-2», свидетельствуют об отчаянии, охватившем провокаторов «холодной войны», которые в течение последнего года старались всеми средствами помешать созыву совещания в верхах, но, встречая во всех странах, в том числе и в Соединенных Штатах, решительный отпор общественного мнения, выступающего за мирные переговоры и мирное сосуществование, не нашли ничего лучшего, как прибегнуть с целью срыва совещания к подобным безрассудным методам.

Во-вторых, эта отчаянная и безрассудная авантюра разоблачила агрессоров-милитаристов и вызвала справедливый гнев народов всего мира. Даже комиссия по иностранным делам американского сената вынуждена была признать, что история с «У-2» оказалась бумерангом, ударившим по США. После срыва совещания в верхах народное движение против агрессивных действий американского империализма повсеместно вспыхнуло с новой силой. В Пакистане, Турции, Норвегии и Японии прокатилась волна протестов. Именно после разоблачения шпионского полета «У-2» движение японского народа *против военного господства* США приняло такой размах, что Эйзенхауэру пришлось испытать унижение.

В-третьих, минувшие события ставят перед движением за мир новые задачи, обусловливающие его переход на более высокую ступень. Срыв совещания в верхах наглядно показал, что нельзя ограничиваться выступлениями в пользу переговоров о мирном сосуществовании. Необходимо активно бороться за то, чтобы положить конец провокациям поборников «холодной войны» и создать условия, в которых стали бы возможными переговоры о мирном сосуществовании.

Тысячу раз правы товарищ Н. С. Хрущев и другие руководители братских партий, заявившие в своих речах, произнесенных в Бухаресте, что при новом положении, существующем в мире, для которого характерны укрепление могущества социализма, рост национально-освободительного движения и образование новых независимых государств, наступление рабочего класса и повсеместное усиление движения за мир, существуют силы, способные — при условии единства действий всех тех, кто стоит за мир, — предотвратить войну, к которой стремится империализм, и обеспечить победу мирного сосуществования.

ЛОНДОН, июль.

АМЕРИКАНСКИХ военных привлекают в Англию не стратегические соображения, а политическая «благонадежность» этой страны, признается влиятельная английская газета «Рейнольдс ньюс». В переводе на общепонятный язык это означает — американцы уверены в сговорчивости английских правящих кругов и усиленно заселяют суверенную Англию. Открывают свои фирмы, строят военные базы, — словом, оседают надолго...

В этом убеждает нас схема, взятая из английской газеты «Дейли мейл».

Крупная надпись над схемой гласит: «Американцы накапливаются в Англии». В правой части схемы — карта расположения 18 американских сухопутных, военно-морских и авиационных баз на территории суверенной Англии. Это: Олконбэри, Бентуотерс, Брайз Нортон, Брантингторп, Челвстон, Фэрфорд, Гринхэм Коммон, Лейкенхит, Милденхолл, Моулзуорт, Скалторп, Аппер Хейфорд, Уэзерсфилд, Вудбридж, Саут Рислип (штаб 3-й авиаармии), Хай Уайком (штаб 7-й авиадивизии), вспомогательная база лондонского района Дэнхэм, военно-морская база

америка 1960

ГОЛЫЙ КОРОЛЬ

«Литературная газета» начинает печатать серию американских очерков советского публициста Владимира Сосинского, долгие годы прожившего в США.

Владимир СОСИНСКИЙ

ОБЩЕИЗВЕСТНО, что существует необходимость отойти подальше от рассматриваемого предмета, чтобы лучше его изучить. На принципе «из-за леса деревьев не видно» была создана живописная школа: стоя вплотную перед полотном, ты видишь лишь бесчисленные цветные точки, но с каждым шагом назад начинаешь различать сначала голубую ленту Сены, потом гранитные мосты, на сером небе вдруг вырисовывается знаменитый силуэт собора, и вот, наконец, ты легко узнаешь парижан, одетых по характерной моде тех лет. Перед тобою—ясная, вполне отчетливая картина парижской жизни конца прошлого столетия.

Мне довелось много лет по роду моей работы прожить в Соединенных Штатах Америки.

Не подымая головы на небоскребы, верхние этажи которых в свое время так удивляли и вот уже давным-давно перестали удивлять, бежишь по узеньким улочкам (в Нью-Йорке нет ни одной улицы шириною с Елисейские Поля или с наше Садовое кольцо); привычным глазом охватываешь стойки *популярного во всей стране* кафе «Недик», где нет ни стульев, ни табуреток; на тебя вплотную надвигаются лица официантов — экзотические цветные пятна негритянок или пуэрториканок (*другие не пойдут на такую низкую зарплату*); *рядом с тобою стоит* полицейский, у которого сзади, раздирая карман штанов, выпирает большого калибра револьвер, и у самого твоего уха раздается позвякивание наручников, тоскующих по преступникам. Пребывая много лет в постоянном и тесном *контакте* со всем этим, — что интересного сможешь ты поведать о заокеанской республике, возникновение и существование которой волнует в Европе уже не первое наше поколение (стоит вспомнить хотя бы недоумение Герцена перед диктаторской и полицейской властью мещанской демократии)?

Надо *отойти* от стены (и особенно от многоэтажных стен Нью-Йорка), чтобы лучше рассмотреть общую архитектуру здания из «прекрасного далека»,— и отчетливее и доступнее для понимания вырисовывается страна, рекламно, как вечерние огни Таймс-сквера, обозначенная тремя буквами: США.

Надо суметь нащупать самое главное. Когда на многих участках земного шара рушатся вековые традиции, когда улицы и площади городов заполняются толпами недовольных существующим строем или политикой того или другого антинародного правительства, когда каждые полгода появляется на карте новое государство, только что освободившееся от колониального гнета, и все уже и уже сжимаются тиски народного гнева вокруг Уолл-стрита, так, что даже автомобилю Никсона больше уже не проехать по улицам южноамериканских городов без того, чтобы стекла в нем не были вдребезги искрошены, а посланцу Эйзенхауэра в Токио от гневного welcome приходится спасаться на вертолете, — существует в США по сей день на северной окраине штата Пенсильвания небольшой городок, до высокого забора которого не доходят треволнения мирской суеты, — Поконо Манор. Местные жители не говорят о деньгах, ничто здесь не напоминает о том, что служит внутренним двигателем американской жизни, чистые руки не пачкаются о грязные бумажки (этим они занимаются лишь на Уолл-стрите),— лишь раз в год, да и то не они сами, а их секретари посылают председателю клуба чек на то, во что обошлась жизнь в этом... *раю для богатых.*

Вот так, *отталкиваясь* от Поконо Манор, я подхожу к самому главному в тамошней жизни, чем особенно гордятся граждане США. Их доброжелательное *отношение* к чужестранцу определяется лишь одним моментом: в достаточном ли он восторге от «американского образа жизни». Годы зависимости от Англии, последующие годы, когда Европа смотрела снисходительно, сверху вниз на предприимчивых, деловых, но неотесанных, не имеющих своей собственной культуры янки, оставили след в душе каждого американца в виде некоторого комплекса неполноценности. Враждебное чувство, повсеместно возникающее, то ослабевающее, то снова нарастающее, но никогда не угасающее у зависимых от США народов, выражающееся в крике: «Americans, go home!» («Американцы, убирайтесь домой!»), еще более усиливает этот комплекс. Американский буржуа противопоставляет ему гордость своим «образом жизни», своим самым высоким в мире стандартом, своим комфортом, самой лучшей в мире plumbing — непереводимое понятие, в которое включены горячая и холодная вода, ванные, уборные,— все, что можно понимать под сантехникой плюс комфорт.

Тысячи состоятельных американцев (как правило, к концу своей жизни) каждый год едут в Европу, любуются красотами Италии и Франции, абстрактно, по путеводителям, знакомятся с европейской культурой, на практике узнают, как по-настоящему умеют веселиться и любить французы и итальянцы, и возвращаются домой, в свой home с гордым сознанием, что только в США человек обеспечен полным комфортом.

При этом сравнения США с Европой носят обычно сугубо поверхностный характер. Помню трех весьма пожилых американок с целой оранжереей разнообразных цветов на шляпах, которые в один из апрельских дней 1960 года на *берегу* Гранде Канале в Венеции учинили скандал встречавшему их чичероне за то, что он осмелился сажать их не в современный комфортабельный лимузин, а в какую-то хрупкую, неустойчивую гондолу, которой они боялись доверить свои драгоценные жизни.

То, что люди могут обходиться без стиральных машин, то, что французские и испанские крестьяне берут воду из колодца и не знают унитаза, кажется заокеанским путешественникам признаком варварства, более глубоким, чем безграмотность или отсутствие больниц. Правда, в США, даже в самом Нью-Йорке, имеются так называемые slums, полуразвалившиеся дома без всяких удобств, где, кроме людской бедноты, гнездятся еще миллионы крыс, но на такое бедствие закрывают глаза, об этом не принято говорить в приличном обществе, а если уж разговор об этом зайдет, то это будет считаться неизбежным последствием иммиграции: выходцы из Пуэрто-Рико и нищих стран Европы—просто-напросто природные лентяи, еще не усвоившие американский образ жизни и находящиеся, так сказать, на переходной ступени своего существования— в роли гусеницы, которой надлежит стать когда-нибудь бабочкой.

Перед всем миром стоит сейчас трудная задача—идти в ногу со своим временем, осваивать достижения техники и культуры, далеко обогнавшие развитие отдельной личности. Если в конце XIX века можно было найти людей, всесторонне, энциклопедически образованных,—в наше время таких людей быть не может: слишком расширился и углубился круг знаний, слишком много старых и новых культур вышло на передний край истории. Огромная нагрузка (наряду с другими причинами социального характера), которая ложится на человека, осваивающего наш мир, приводит в буржуазных странах к разного рода *болезням, к сознанию своей потерянности*, к горькому одиночеству. Достаточно напомнить жизнь «потерянных поколений» после первой мировой войны, «рассерженных молодых людей» и «битников» в литературе — после второй. В Советском Союзе эту сложную нагрузку *современного человека* помогает нести коллектив, сплоченный в радости общего труда.

Странная вещь происходит в США: у американской буржуазии ответ на все эти трудности заключается в поисках самого легкого пути. Нет такой бытовой нагрузки, которая не была бы облегчена. Самый нищенски оплачиваемый негр, моющий лестницы в домах, где сдаются квартиры, снабжен усовершенствованными щетками, охватывающими одним махом половину обширной площадки. Но это отнюдь не является результатом заботы о человеке и отнюдь не облегчает труд этого негра, а сделано лишь для того, чтобы выжать из него как можно больше прибыли для домохозяина, так как этажей и лестниц в доме не на одного, а на целый десяток негров.

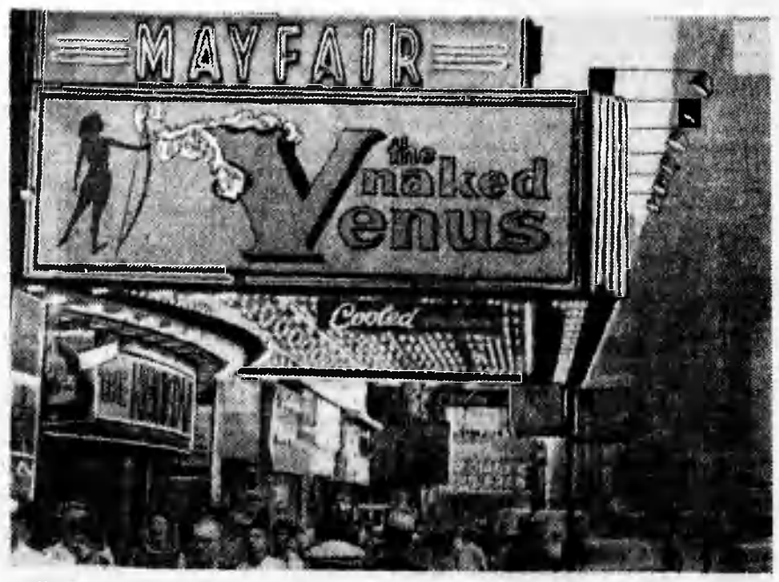
Долго стоишь где-нибудь на углу 42-й и 3-й авеню перед витриной нового drug-store (такое времяпрепровождение имеет особый термин: window shopping, что значит — покупать в окнах, присматривать вещи, зачастую не заходя в магазин), хочешь понять назначение каждого выставленного предмета, и после длительных размышлений лишь 50 процентов можно классифицировать и отнести в качестве запасных частей к тем или иным домохозяйственным машинам, ну, а остальные 50 процентов так и остаются для тебя загадкой. Человек утонул в вещах, постепенно сам превращаясь в машину, в робота или, еще лучше: в национального героя США пятидесятых годов XX столетия — покупающую единицу.

Культ комфорта, культ plumbing'a, насаждаемый рекламой, вырабатывает основную идею «американского образа жизни»: идеал существования это — success, успех, успех через богатство или богатство через успех. Не важно, чем приобретены деньги: ученым открытием или стоянием на голове, не важно, приносит ли он пользу или вред обществу, важно, сколько стоит человек, то есть сколько тысяч в год он может заработать или сколько уже имеет на своем текущем счету. В средней школе детей тренируют писать письма с предложением **продать** себя как можно дороже, то есть учат искусству расхваливать самого себя для получения хорошей зарплаты. Об очередной поездке Эйзенхауэра с гордостью говорили: Айк поехал в Азию, чтобы там продать американские идеи свободы и демократии. Он будет сбывать их, как залежавшийся товар сбывает предприимчивый коммивояжер.

Казалось бы, весь этот «американский образ жизни» должен был принести по крайней мере радость и счастье людям, а между тем душевные заболевания, семейные драмы (*не только* мужа с женой, но и родителей с детьми, причем обычно преступления идут со стороны детей), самоубийства все возрастают в стране, гордой своим благоустройством.

Воистину, современные американцы смело могут повторить слова Горация: decipimur specie recti (мы все обмануты кажущимся благополучием). Прежде всего — это доступно не всем. К тому же благополучие это **кажущееся**, потому что каждую минуту американец может его лишиться: за американским образом жизни кроется глубоко скрытый в людях страх, в основном страх оказаться в числе безработных, так как в США, которым в особенно острой форме присущи все противоречия капиталистических стран, периодически возникают экономические кризисы.

В конечном счете выясняется, что король-то голый. Да и чего же другого можно ожидать от страны, где все покоится на идее частной собственности и личного стяжательства — каждый за себя и все против всех — и где буржуазное общество живет без всяких идеалов. Мещанское «благополучие» как самоцель, без одновременного развития культуры и искусства и без идейных установок, обречено на пресыщение и гибель...



На Бродвее...

Фото М. Болотникова

Главный редактор С. С. СМИРНОВ.
Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Н. Ф. ПОГОДИН, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на сентябрь и последующие месяцы 1960 года на
«ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ»
Подписка принимается в отделениях связи, общественными распространителями на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах, в учреждениях и учебных заведениях.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат—К 4-04-62, отделы: русской литературы—В 8-99-33, искусств — Б 1-11-69, литератур народов СССР — Б 8-59-17, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, зарубежной литературы и искусства—К 4-84-28, информации—К 4-08-69, писем—В 1-15-23, издательство—К 4-11-68. Коммутатор—К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты» Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б—021176